

Евгения Кротова

ВЕРШИТЕЛИ

Меч
ТАМЕРЛАНА

КомпасГид
издательский дом

Евгения Кротова
Вершители. Книга
4. Меч Тамерлана
Серия «KompasFantasy»
Серия «Вершители», книга 4

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69485248
Вершители. Книга 4. Меч Тамерлана: КомпасГид; Москва; 2023
ISBN 978-5-00083-879-2

Аннотация

После исчезновения Гореславы Катя возвращается в Красноярск, где до совершеннолетия живет под присмотром врача Рауля Моисеевича. Девушка заканчивает школу и поступает в колледж, и все, чего она хочет, – это обычная жизнь, в которой не придется ни заниматься волшебной, ни общаться с отцом.

Тем временем в мир приходит хаос – в обличье войн, болезней и землетрясений. Каждый раз на месте происшествия видят загадочную женщину в черном, которая появляется из ниоткуда и исчезает в никуда. Катя понимает, что за этим может стоять Гореслава и, если она отыщет сестру, возможно, получится прекратить бедствия. Флавий и Темновит тоже разыскивают

Гореславу, один хочет стать хозяином всех несчастий, другой – покорить мир людей.

Катя обнаруживает след Гореславы на Кавказе, вместе с Поводырем они скрытно отправляются в опасное путешествие. Им предстоит побывать в заброшенном ауле в плену у джинов, встретиться с Матерью всех бед – Рохдулай и сразиться с ужасающими всадниками Апокалипсиса! Смогут ли герои остановить Темновита, отыскать Гореславу и спасти мир от гибели?

Евгения Кретова – победитель национальной литературной премии «Рукопись года – 2018» и лауреат Конкурса детской и юношеской прозы LiveLib 2018 – представляет читателю финальную часть тетралогии «Вершители». Это книги о путешествиях во времени, удивительных приключениях, далеких странствиях и культурных артефактах, о которых, благодаря автору, вы узнаете гораздо больше. Вместе с героями книг вы посетите уникальные места нашей страны, увидите невероятную красоту природы России и погрузитесь в славянскую мифологию.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	13
Глава 2	33
Глава 3	46
Глава 4	62
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Евгения Кротова

Вершители

Меч Тамерлана

Книга 4

Любые совпадения – часть художественного замысла автора.

Моя самая сердечная благодарность Джамиле Абдуллаевне Магомедовой из селения Чикрей Буйнакского района Дагестана и ее семье, ставшими моими консультантами в мире обычаев и традиций Дагестана. Когда несколько лет назад я познакомилась с Джамилей, я поняла, что рассказ о загадках Кавказа и неизвестных страницах его истории обязательно будет написан.

* * *

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Пролог

Недоля

Милана терпеть не могла деревню и приезжала к бабушке, только если отец с матерью начинали сильно досаждать. Как вчера, например.

– Ты совсем не уделяешь внимания бабушке, – говорил отец.

– Она очень скучает, – вторила ему мать.

– У тебя ведь каникулы! – заводился отец.

И Милана сдалась: собрала в рюкзак зарядки для сотового и планшета, сунула в карманы конфеты и пакетик жевательного мармелада. Выехали вечером, как только отец вернулся с работы. Простояли в пробках на выезде из города, в деревню приехали затемно.

Шумно припарковались во дворе, шумно разобрали сумки с продуктами, шумно поужинали. Бабушка им очень обрадовалась, засуетилась на кухне, собирая на стол.

Улучив минутку, Милана схватила сотовый и выскользнула во двор. Присела на нижнюю ступеньку крыльца, активировала экран – связи здесь почти не было, в верхнем правом углу экрана едва горел самый маленький прямоугольник выдачи.

– Черт знает что такое, – пробормотала Милана и напра-

вилась к забору, надеясь, что там будет ловить чуть лучше.

Она гипнотизировала взглядом экран в ожидании, пока колесико загрузки сменится значком активности сети, нетерпеливо барабаня носком кроссовки по заборной перекладине и мысленно считая до десяти.

Деревня уже погрузилась в сон. На соседней улице лаяла собака, вдалеке противно мяукнул кот и резко смолк, будто его выключили. От реки тянуло сыростью и долгожданной прохладой. Милана посмотрела на небо: луна стояла высоко над крышами, освещала их ярко, щедро поливая серебром.

Внезапно все затихло и на дороге показался темный силуэт.

Милана безразлично пригляделась: девочка, пожалуй, ее ровесница, может, чуть старше. Худая и невзрачная. Одета странно: в какой-то темный балахон из тонкой ткани. Она шла, неуверенно ступая по пыльной дороге, будто потерялась и толком не знала, куда направляется. Потом, подойдя ближе к ограде их участка, положила бледную до прозрачности и худую кисть на забор. Оперлась на треугольные набалдашники, слепо оглядываясь по сторонам, будто не видя перед собой ничего.

«Может, ей плохо?» – предположила Милана, продолжая наблюдать за странной незнакомкой.

Рядом отчаянно и зло залаяла собака.

Незнакомка вжала голову в плечи и оглянулась на громкий, с подвыванием, звук.

Милана пожала плечами: ей какое дело. Мало ли кто ходит поздним вечером по деревенским улицам? Повернулась, намереваясь вернуться в дом, – сети все равно не было.

– Сейчас лето? – раздался тихий, пронизывающий до костей шепот с той стороны забора.

Милана вздрогнула от неожиданности и едва не выронила сотовый. Чертыхнулась – эта девочка прильнула к забору, обхватила худыми пальцами перекладину и смотрела не мигая прямо на нее. Милану будто ледяной водой окатило: взгляд у девочки казался безумным, глаза выглядели неестественно огромными на узком фарфоровом личике. В довершение всего еще и губы, испачканные чем-то черным, то ли смолой, то ли углем, кривились странно, растягиваясь в натужной улыбке.

Милана сглотнула:

– Д-да, лето.

– А как тебя зовут? Давай дружить?

М-милана, – она поняла, что заикается. Одернула себя – зачем вообще ответила этой ненормальной, – инстинктивно шагнула назад, к дому.

Незнакомка между тем с любопытством оглядела двор, отцовскую машину и, округлив глаза, уставилась на сотовый в руках Миланы.

– Что это? Можно посмотреть? – она протянула руку через забор, и Милана была готова поклясться, что из-под пальцев незнакомки что-то посыпалось. Что-то непроглядно

темное и очень страшное.

Милана до такой степени перепугалась, что побежала к дому не оглядываясь.

Уже на крыльце столкнулась с бабушкой – та как раз открывала дверь и едва не ударила ею внучку по лбу.

– Что ты, Миланушка, на тебе лица нет?

Да я... – Милана затравленно обернулась, но у забора никого не было, только какая-то собака злобно рычала, обнюхивая землю. Девочка вытянула шею, вглядываясь в темноту. – Да тут...

– Брысь, брысь! – крикнула с крыльца бабушка. Собаку испугалась? Так она за забором, к нам во двор и не переберется. Чего ее бояться?

Милана отмахнулась:

– Да нет, не в этом дело... Девочка мимо проходила. Странная такая, будто немного ненормальная... Может, приехала к кому?

Бабушка нахмурилась, проговорила озадаченно:

– Да к кому она могла приехать? Ночь на дворе уже... Вот что, Милан, иди в дом.

Милана взялась за ручку, приоткрыла дверь. Оказавшись внутри прямоугольника электрического света, она почувствовала себя увереннее:

– Вдоль дороги шла, оглядывалась, будто потерялась. Потом я отвлеклась на телефон, а она к забору подошла и спрашивает, лето ли сейчас... Я и подумала, что ненормальная...

Глупый вопрос, правда?

Бабушка удивленно кивнула, спустилась с крыльца, пересекла двор и вышла за калитку. Подол длинной юбки коснулся травы, сбив с листьев то ли пыль, то ли пыльцу. Запахнув на груди шаль, вгляделась в темноту, рассеянно прислушиваясь к голосу внучки.

– Взгляд не фокусируется и губы черные... – объясняла девочка.

– Черные?

– Ну да, будто сажей измазанные! Говорю ж, странная какая-то.

Бабушка пожала плечами, вошла во двор и закрыла калитку на щеколду. Уже входя в дом, она заметила, что юбка испачкана чем-то черным, жирным. Наклонилась, чтобы стряхнуть, – диковинная пыль черным облаком поднялась вверх, испачкав руки женщины. Милана, увидев это, округлила глаза.

– Когда она попросила мой мобильник, у нее из-под пальцев что-то черное посыпалось, – пробормотала она, вспоминая странную незнакомку. – Как раз на траву, где ты сейчас стояла... Бабуль, что это такое?

Та лишь вздохнула:

– Да кто ж его знает. Может, сажа какая. Или уголь.

Она осторожно, чтобы не испачкать все вокруг, прошла в кухню. Милана слышала, как забренчала вода в раковиннике.

Из комнаты выглянула мама:

– Вы чего?

Милана отмахнулась:

– Да ничего. Бабушка руки моет.

На сердце было беспокойно. Бабушка долго терла руки, вздыхала с недоумением: сажа не оттиралась. Выйдя с кухни, она сменила юбку, испачканную бросила в корзину с бельем. Милана с тревогой наблюдала за ней, но молчала.

– Запомни, Миланушка, как солнце сядет, никогда не отходи от дома, не отвечай незнакомцам. Мало ли какое лихо за околицей ходит, человеческое тепло ищет...

– Бабуль, да глупости это всё, суеверия, – пробормотала Милана и неуверенно посмотрела в окно.

– Суеверия... Может, и суеверия. Только не просто так калитку на засов закрывают.

Не сговариваясь, они с Миланой заперли входную дверь на замок и плотно задернули занавески.

Глава 1

Где она?

В вязкой тишине особенно гулко стучит собственное сердце. Оно бухает, будто ты оказался внутри шаманского барабана, стучит, сотрясая внутренности. Мысли застлало тревогой. Липкой карамелью она путала разум, чтобы довести до одной-единственной точки. Яркой, словно разряд молнии. И безжалостной. Но Велес старательно прогонял волнение, пытаясь смириться с сотрясанием грудной клетки и выворачивающим внутренности чувством тягостного ожидания. Всё ради мгновения, в котором ему покажется она.

Его дочь. Короткое, но ослепительно яркое и болезненное видение: на дне глубокой ямы или расщелины – не разобрать – гладкие черные валуны, над которыми неясным маревом клубится морок. Узкие языки его, извиваясь, хватают пустоту, тянутся вверх. Катя медленно падает на них спиной. Так медленно, что между ударами сердца он успевает увидеть, как распахиваются ее глаза, как их заполняет сперва недоумение, а следом ужас. Еще один удар – ресницы дочери дрогнули, а с губ сорвалось беззвучное «папа». Этот момент ранил больше всего. Отвлекал и не позволял увидеть главное – когда и где это происходит.

Вот и сейчас он опять отвлекся на неумолимое падение

дочери и беззвучное «папа». Сердце зашлось, когда голодный язык черного морока сомкнулся на худых лодыжках дочери, утягивая вниз, а эхо подхватило его беспомощный крик: «Катя!»

«Эхо, – отметил, выбираясь из забытья. – В этом месте есть камни, есть эхо».

Стряхнув оцепенение, Велес пытался оценить его характер и звучание. Не гулкое, какое бывает в пустых замкнутых помещениях, не раскатистое, какое можно услышать в горах. Протяжное, вытянувшееся тоскливой нитью и потерявшееся за горизонтом.

«Такое бывает над водой», – предположил.

Место действительно походило на высокий морской берег.

«Но откуда там столько черного морока?»

Сбрасывая с плеч остатки задумчивости, посмотрел в окно: его фаэтон свернул в проулок и остановился у здания русского посольства. На крыльце мелькнула красная ливрея дворецкого, а в следующую секунду дверца кареты распахнулась.

– Ваше величество, – учтиво поклонился дворецкий.

Велес ступил на мостовую, вздохнул. Сегодняшний день – не для официальных визитов и душной церемониальной атмосферы; сегодня надо мчаться над волнами, ловить золотые брызги и мечтать о чуде.

– Брат мой! Как скоро ты добрался! – Велеса повело от

сладо́сти го́лоса поя́вившегося на крыльце ослепительного красавца. Золотые кудри, завитые волосок к волоску, аккуратная бородка-эспаньолка, на губах застыла подчеркнуто-благостная улыбка, а в глазах плескался настороженный интерес. – Здоров ли?

Велес кивнул, пробормотал уклончиво:

– Да, добрался.

Взбежав на крыльцо, он тут же попал в раскрытые объятия младшего брата, проворчал:

– Ты так хорош, будто решил сдать пост бога войны и заменить леля на ниве наслаждений и плотских утех. – Велес не преминул подколоть брата, но тут же пожалел о сказанном: сегодня день поиска союзников, а не воскрешения старых обид, поэтому тут же примирительно похлопал брата по плечу, сводя свои слова к безобидной шутке. – Не сердись, Яромир, – добавил тихо он, намеренно обращаясь к брату домашним именем.

– Ты делаешь комплименты с медвежьей учтивостью, – тот усмехнулся, довольный получившимся каламбуром. – Так и не научился...

Велес мрачно отозвался:

– Это я просто привыкнуть не могу, что ты слишком хорош для бога войны Перуна.

Яромир снова усмехнулся и сделал приглашающий жест:

– Я думал, возглавить русское посольство ты направил меня именно поэтому, ладно, пойдем уже.

Они поднялись по лестнице, вошли внутрь здания посольства Русского царства в Византии.

– Встречу перенесли, – сообщил Яромир. – Флавий ждет нас к трем часам.

Велес остановился посреди холла:

– Так рано? Почему изменилось время?

Яромир пожал плечами:

– С величайшим почтением и нижайшей просьбой...

– То есть если бы я задержался в Семиозерье, то встреча прошла бы без меня? – Велес пристально взглянул на брата.

Тот прищурился, ничего не ответил, но взгляд не отвел.

После смерти Велидаря четыре года назад представители посольской службы Русского царства в Византии сменялись один за другим: то отравление, то душевное расстройство, то болезнь близкого родственника, препятствовавшая несению службы, – никто не задерживался здесь больше чем на полгода. Пока это место не занял самый неподходящий для дипломатической работы человек – Яромир Святовидович, а вернее, бог войны и повелитель молний и огненных стихий Перун. Выставив охрану в посольском замке, он перестал являться на аудиенции к императору, немало растревожив тем самым придворную знать: все решили, что Русское царство готовится к объявлению войны.

А Перун выжидал.

Доведя византийский двор до истерики своим молчанием, он явился на прием и в нарушение протокола вручил Флавию

верительную грамоту всем видом демонстрируя, что не рожден для дипломатии. Он ослепительно улыбался и поигрывал бицепсами, подмигивал придворным дамам и поглаживал идеально подстриженную эспаньолку, свысока рассматривая византийскую знать.

Как потом донесли Велесу, император позеленел от злости, но грамоту принял.

Велес не поверил в сговорчивость Флавия, но версию младшего брата не оспаривал – его безмятежная веселость на какое-то время отвлекла византийцев от Перуновых щитов, найденных в том самом караване, и спрятанного от них же Залого власти.

– Что думаешь, будет сегодня сказано? – Велес посмотрел на брата, не в силах скрыть тревоги.

Тот улыбнулся и тут же помрачнел.

– Я толмача¹ разговорил, – Перун почесал кончик носа и отвел взгляд. – Говорит, Флавий будет беседу с тобой наедине вести. Для чего, собственно, и задуман этот неофициальный ужин.

– И для этого перенес встречу, чтобы я на нее не попал?

Перун выразительно изогнул бровь:

– Это очевидно. Опоздав на встречу, ты бы запросил повторную...

– Думаешь, предложит условия мира?

Брат покосился на него, криво усмехнулся:

¹ Толмач – переводчик (устар.).

– Ты знаешь, я лопатками чувствую будущую войну... Ее не миновать. Понял ли?

Велес медленно кивнул:

– Понял. Выходит, ждем ультиматума.

* * *

За четыре года с момента возвращения Катерины в мир людей, Велес привык жить словно на пороховой бочке. Вече, прознав о жизни царевны в Красноярске, требовало объяснений и не уставало слать запросы на участие Кати в официальных мероприятиях как наследницы Русского царства. Он отнекивался, тянул с ответом, изо всех сил выполняя уговор с дочерью. В конце концов, она в безопасности, и это главное. Чем дальше она от этого мира, тем слабее с ним связь. И тем сложнее ее найти шпионам Флавия. А уж заметить следы и наводить морок они с Мирославой научились за эти годы отменно: любой кто бы ни смотрел на Катю в упор, за руку бы ни держал, а не увидел бы, что она – это она.

Хотя Мирослава все чаще заговаривала о том, что так они постепенно теряют свою дочь.

Белеса сильно настораживало, что после того, как ее тело покинула душа Гореславы, Флавий будто бы потерял интерес к своей несостоявшейся невесте. На пирах поговаривал даже, что готов вернуть русскому царю заветное слово и освободить от обета.

Слова, слова... Велес не верил ни единому обещанию императора: усилить род такой магией, которой обладала Катя, – слишком большой соблазн.

Но случившуюся передышку он использовал с умом. Укреплял границы, договаривался с соседями, находил новых союзников, ссорил их с Византией. И готовился к войне: запасы лунанита на небольших приисках, принадлежавших Византии, продолжали истощаться, а следом за ними и власть теряла свои позиции. Стоимость сырья на бирже за последние два месяца возросла втрое. Поэтому поводом для столкновения могло стать что угодно.

«Быть войне», – с тоской и обреченностью думал Велес, поднимаясь по широкому крыльцу домашней резиденции императора. Высокие мраморные колонны, обрамлявшие вход, небесно-голубое кружево росписей, золото и хрусталь. Здесь, на этой самой анфиладе, стало плохо Велидарю. Но даже тогда он думал об отечестве, прислав царю предупреждение на луноскоп. «Темновит». Что оно означало? Что узнал Велидарь тогда, что увидел? Обстоятельства смерти посла так и остались нераскрытыми.

Одно было ясным: в том деле уже тогда был замешан Темновит.

Велес поднялся на верхнюю ступень; личная гвардия императора и слуги почтительно склонились в поклоне.

Их с братом проводили в покои Флавия, где уже собрался ближний круг императорских друзей. На появление Белеса

Флавий отреагировал нарочито бурно, подскочил с бархатного ложа, бросился навстречу.

– Дорогой друг, – раскрыл он объятия, – какая честь для меня лицезреть тебя и твоего дорогого брата в моем скромном жилище...

Велес озадаченно замешкался. Обниматься с Флавием, будто с давним приятелем? Или ограничиться рукопожатием?

Яромир шумно шмыгнул носом за спиной, хмыкнул, пробормотав едва слышно:

– У меня сейчас несварение будет...

Велес сделал шаг навстречу императору, позволил себя обнять:

– Невероятно рад приглашению. Узнав о встрече, бросил все дела, примчался к тебе, – он сделал вид, что не услышал тихого покашливания младшего брата. – Как ты, Флавий, здоров ли?

Император все еще широко улыбался, но если внимательно присмотреться, то взгляд его при этом оставался ледяным.

– О здоровье моем печешься? – проговорил, растягивая слова. – Что ж, здоров... Твоими молитвами.

Он жестом пригласил их присесть.

– Ежечасными, – не преминул дополнить Велес с серьезнейшим видом, удобно устраиваясь в глубоком кресле.

Перун коротко взглянул на предложенное ему кресло,

расположенное у стены, подошел к креслу Белеса, изящно облокотился на спинку и оглядел зал.

В этом небольшом круглом помещении в сердце дворцового комплекса бывать еще не приходилось. По периметру располагались полукруглые диваны и кресла, частью занятые придворными, частью свободные. Яромир узнал среди присутствующих первого государственного советника, казначея с супругой, главу Форума и нескольких послов: Гишпáнии, островной Англии и Фландрии. «Действительно, узкий круг: восемь лисиц на одного медведя», – он усмехнулся и посмотрел на широкую террасу с видом на залив и белоснежные ротонды в окружении стройных как атланты кипарисов.

Флавий удобно развалился в соседнем с Белесом кресле, лениво потягивая нектар из узкого бокала, который постоянно наполнял рядом стоящий слуга.

– В такую жару совершенно не хочется думать о делах, мой дорогой, – притворно вздохнул император.

Велес вздрогнул – его собеседник словно подслушал их недавний разговор с Яромиром. Он пристально посмотрел на Флавию. Отломив веточку винограда, тот по одной подхватывал губами ягоды, отрывал и неторопливо раздавливал зубами, шурясь от наслаждения и неги.

«Показалось», – отмахнулся Велес, но ощущение, что хозяин виллы знает больше, чем ему следовало, теперь не отпускало его.

Обратив внимание, что Велес не притронулся к еде и на-

питкам, Флавий снисходительно отметил:

– Думаешь, я хочу тебя отравить?.. Брось, я бы давно придумал, как это сделать, если бы хотел...

– И как же?

Император воодушевился:

– Предлагаешь пофантазировать? Изволь! Я бы пропитал какую-то из ценных тебе вещей ядом. – Он с сомнением покачал головой: – Хотя нет, это же бесполезно, ты ведь бессмертен, как все боги... Но, с другой стороны, вы ведь рождаетесь, значит, должны как-то и умирать. Наверняка есть какие-то способы, – он театральнo рассмеялся. – Видел бы ты сейчас свое лицо!

– Смешно, да... Яд на меня в самом деле не подействует, не трудись. Но поболеть могу, если тебе от этого легче, – русский царь невозмутимо закинул ногу на ногу и разглядывал носок сапога, наблюдая, как в начищенной до блеска поверхности отражается физиономия младшего брата.

Флавий усмехнулся, будто услышал отличную шутку.

– Легче, скажешь тоже... – пробормотал. И, внезапно вскинув голову, полоснул взглядом: – Ты только что признал, что уязвим.

Велес насторожился, в груди терпким ядом стало разрастаться тяжелое предчувствие.

Флавий вздохнул, запрокинул голову и положил на спинку кресла, прикрыл глаза. Пробормотал рассеянно:

– Мы всегда уязвимы, боги ли мы, цари или владыки.

Наши слабости заставляют нас чувствовать себя уязвимыми... – он распахнул глаза, резко выпрямился. – Знаешь, я поэтому и не хочу жениться! Вдруг я полюблю свою суженую, стану мягок сердцем и нежен душой, а? Возможно ли такое? – император теперь пристально смотрел на русского царя. – Скажи, твоя дочь и правда так хороша, как о ней говорят?

– Кто говорит? Не уверен, что ее кто-то видел, – Велес повернулся к Флавию, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. – Но мне нравится твоя мысль об отказе от брака, я бы поддержал ее.

Император скептически хмыкнул:

– Да, как же, так я и поверил... Ты связал меня узами не просто так, я ведь понимаю: ты подсунул мне свою доченьку, чтобы я не заключил союз с кем-то еще... Вон хоть с английской принцессой: и мила, и скромна, и родня посговорчивей, – он окинул Белеса недружелюбным взглядом.

– Надо же, не думал, что ты видишь ситуацию под таким углом... – задумчиво произнес русский царь. – Но если так, то давай освободим друг друга от клятвы.

Затаив дыхание, он ждал ответа. Флавий долго смотрел на него, будто решаясь на важный шаг. Сердце Белеса замерло в ожидании, даже билось настороженно и тихо. Выждав драматическую паузу, император громко расхохотался.

– О, видел бы ты себя! – заливался он, и следом за ним засмеялись присутствующие придворные. – Ты, кажется, да-

же дышать перестал... Надо же, как ты хочешь от меня избавиться. – Он вмиг посерьезнел: – Чем же я тебе так не угодил, друг? Раньше-то ты, помнится, не был против.

Велес уклончиво отозвался:

– Раньше не был, это верно. Мы меняемся, времена меняются...

Флавий не дослушал:

– Да ну, брось... Я знал, какой магией будет одарена твоя дочь... – он глотнул нектара. Встал, поманил за собой Белеса, велев всем остальным остаться на местах. Вышел на террасу. Ожидая, пока царь выйдет из зала и встанет рядом с ним, он вдыхал пряный запах, доносившийся с залива. Ноздри жадно втягивали воздух, грудь поднималась высоко. – Я не буду требовать выдачи Катерины как Залого власти.

Велес молчал – ждал продолжения. Флавий, не обращая на него внимания, проговорил:

– В конце концов, я соблюдаю закон и не практикую многоженство... Мне достаточно одной из твоих дочерей.

Велес остолбенел.

– Что?

Флавий смотрел на него хоть и снизу вверх, но свысока, надменно улыбаясь:

– Я хотел обладать Долей, скрасить с ней свое одиночество, но ты спрятал ее от меня... Что ж, значит, не судьба, – он трагически поджал губы. И тут же добавил с показным воодушевлением, притянув Белеса за локоть, будто опасал-

ся, что тот прослушает самое важное: – Тогда я стану хозяином всех несчастий на земле.

– Ты бредишь, – Велес постарался отстраниться, сердце в его груди бешено заколотилось.

Флавий фыркнул, но промолчал. И это молчание насторожило Белеса еще больше. В памяти снова всплыло отправленное послом Велидарем перед смертью короткое сообщение «Темновит». Ему так ничего и не удалось тогда доказать, смерть посла списали на несчастный случай. Сомнения, словно червоточина, кололи в груди.

– Ты сказал, что хочешь избавиться от обета. Раз так, проведем обряд, вернешь мое слово, и дело с концом, – проговорил Велес.

Император приблизил к Велесу лицо, прошептал, многозначительно округлив глаза:

– Глупец, неужели ты в это поверил? Ящик Пандоры открыт², мой дорогой друг, твое слово все еще в моих руках! И я сделал свой выбор.

² Ящик Пандоры – выражение, означающее совершение опрометчивого поступка, последствия которого необратимы. Согласно древнегреческому мифу Пандора – первая женщина на земле – открыла сосуд (по одним данным, ларец, по другим – пифос), из которого на волю вырвались несчастья и болезни. В данном же случае Флавий намекает на помещенную в тело Кати душу и силу Гореславы.

«Ящик Пандоры открыт».

«Я не буду требовать выдачи Катерины».

«Я стану хозяином всех несчастий на земле».

«Мне достаточно одной из твоих дочерей».

Велес возвращался в посольство и раз за разом повторял слова византийского императора – не мог решить, шутил ли тот, угрожал ли или говорил правду. «Это совсем не похоже на шутку или розыгрыш, Флавий – слишком опытный манипулятор, чтобы играть в такое», – рассуждал он про себя, чувствуя, как тревога из-за последней из фраз – про ящик Пандоры – развеивает надежду на то, что Флавий намерен отказаться от своих планов на руку Катерины.

«Он мог отказаться от планов на Долю только в том случае, если смог заполучить что-то или кого-то более существенного и полезного в достижении своих целей, – размышлял царь. – Душа Недоли вполне подходит для этой роли».

Но мог ли император найти ее, если даже сам Велес оказался не в силах? Флавий не маг, всего лишь смертный, наделенный богами властью и возведенный на трон.

Да, четыре года назад император призвал в помощники Темновита, но Чернобог вряд ли согласился бы помогать ему еще раз без должной оплаты. Отсюда вывод: или это была ра-

зовая сделка, или в этот раз Флавий смог расплатиться чем-то особенным. Особенное...

Сердце упало: в этот раз Флавий мог предложить Темновиту слово Белеса, данное много лет назад. То самое, что сделало Долю Залогом власти.

В груди стало тесно. Если так, то Катерина окажется связанной его, Белеса, словом уже не с Флавием, а с Чернобогом.

Конечно, Катерина Темновиту не нужна как жена, они связаны кровным родством, но ему нужна ее сила, ее уникальная магия.

Или Флавий говорил о другом?

«Я стану хозяином всех несчастий на земле», – снова всплыли в памяти слова. Несчастья... И сердце оборвалось – Белес со всей ясностью понял: Флавий знает, где Гореслава. Возможно, она уже в его руках.

Царь даже застонал от этой мысли.

Яромир, сидевший все это время в фаэтоне рядом, молчал и, отвернувшись, мрачно смотрел на проплывавшие мимо огни византийской столицы. По лицу старшего брата он понял, что Флавий уже сказал то, ради чего вызвал их. И это «что-то» имело эффект разорвавшейся бомбы – с такой стремительностью они с Белесом покинули дворец императора. И сейчас, по дороге в здание посольства, он только изредка поглядывал на брата, качал головой, но помалкивал – знал, что расспрашивать бесполезно, все равно не ответит.

Вернувшись в посольство, Велес в самом деле стремглав бросился наверх, в кабинет.

Ворвавшись в него, разложил на огромном столе карту, вперился в нее взглядом. Ноздри нервно хватали воздух, в глазах полыхала ярость.

Яромир встал в дверях, протянул:

– Э-э, брат. Что бы тебе ни сказал Флавий, оно не стоит того, чтобы в сердце селить морок черный.

Велес полоснул по нему взглядом, но не проронил ни слова.

– Что сказал Флавий? – Перун решил, что сейчас самое время выяснить, что произошло.

– Он сказал, что завладел Недолей.

Яромир отвел взгляд – эта странная история в семье хоть и была известна, но не обсуждалась: никто не хотел примерять на свои плечи решение, принятое Белесом и Мирославой в ту ночь. Тем более – оценивать степень темноты примененной ими волшбы.

– Откуда он узнал? – праздный вопрос, предназначенный, чтобы оттянуть время для озвучивания своего мнения о происходящем.

Велес шумно выдохнул:

– Ты считаешь, четыре года назад он с Темновитом в ладошки играл? У них был контракт. Что там по тому контракту отдавалось, мы толком не знаем.

– Ну отчего ж «толком»... Флавий подтвердил под при-

сягой во время заседания вече по твоим похищенным дневникам: услуга за услугу – досадить тебе и заполучить твои личные секреты.

Велес усмехнулся:

– Не смейся меня. Темновит не стал бы размениваться на такую мелочь, как позлить меня... – Он отвернулся к окну, скрестив руки на груди, задумался. – Думаю, Флавий сказал только малую толику правды, скрыв самое главное. Не исключено, что это «главное» стало известно Велидарю во время той аудиенции... Поэтому его и убили.

– Разве это не был несчастный случай? – Яромир понимал, что его доводы выглядят жалко, что сейчас он пытается напомнить брату официальную позицию, которая устроила четыре года назад все стороны, – позицию, которая на время оттянула конфликт с Византией. Тогда никто не хотел скандала, и голос Велеса утонул в замалчивании и демонстративном непонимании произошедшего.

Велес обернулся к брату, посмотрел снисходительно, но промолчал. Яромир подошел к столу.

– Хорошо-хорошо, не смотри на меня так... Я прекрасно знаю, что ты по этому поводу думаешь. Но не напомнить не могу. Однако скажи мне: с чего ты решил, что Флавий не блефует? Он прямо так и сказал – «Гореслава у меня»?

Велес покачал головой:

– Он сказал, что собирается стать хозяином всех несчастий на земле. По-моему, более чем прозрачное намерение.

Гореслава – Недоля, именно в ее руках все несчастья на земле. Или в руках того, кто ее захватил.

– Ты пробовал ослабить тот старый обет? Например, снять его как данный без согласия дочери?

Велес качал головой все яростнее:

– Яромир, я кровью запечатал собственное слово. Катерина – моя дочь, в ее венах течет моя кровь, значит, с точки зрения Силы, обет дан ею самой...

Перун молча слушал. Велес добавил, с усилием выдавливая из себя слова:

– Только смерть одного из нас разорвет слово. А я, как ты знаешь, умру, лишь истратив всю отведенную мне силу.

Перун простонал:

– Ну как же ты... – Он махнул рукой, тяжело опустился в кресло. – Что делать думаешь?

– Перво-наперво надо понять, где Гореслава, действительно ли она у Флавия или у Темновита... Здесь ты прав, Флавий мог блефовать.

Перун кивнул.

– А дальше?

– А дальше ее нужно найти.

Яромир посмотрел с тревогой:

– Ты же не хочешь снова упрятать ее в темницу? Ты, брат, немало ошибок совершил, не повторяй их.

Велес промолчал, вернулся к изучению карты. Долго разглядывал ее, упершись кулаками в края: поля, озера, реки,

горные цепи огромного царства. Яромир все это время наблюдал за братом и, не выдержав молчания, спросил:

– Где ты ее искать собираешься? Она потерянная душа. Не дух, не человек, не бог. В этом мире умерла, в иной – не попала, не обрела покой.

Велес тяжело вздохнул.

Яромир понял, о чем тот думает: Недоля застряла между мирами. Стала тенью, воспоминанием. А это значит только одно: она везде, как туман, как сумрак, как сам темный морок. Искать ее не проще, чем иголку в стоге сена. И найти можно, только если случайно столкнуться.

– Самая тесная связь у нее – с Катериной, – осторожно напомнил Яромир. – Все-таки сестры...

Велес вскинул голову, прищурился зло:

– Дочь вычеркнула меня из жизни, не связывается со мной, не отвечает на письма. Я узнаю о ней от Данияра и Берендея. Как нищий побираюсь, вымаливая хоть крупинку информации.

Яромир вздохнул.

– Ты хочешь, чтобы я тебе еще раз напомнил, что ты в этом сам виноват? Или ты сам себе напомнишь? Катерина – единственная надежная ниточка, ведущая к Гореславе. Они вместе, в одном теле столько лет провели. Гореслава думала ее мыслями, чувствовала ее сердцем, дышала ее воздухом. Она где-то поблизости от Катерины, уверен.

– И Темновит, похоже, тоже так думает, – Велес присталь-

но посмотрел на брата. – Но хочешь, я скажу, чего опасуюсь? – Перун медленно кивнул. – Я боюсь за Катерину еще больше, чем за Гореславу. Флавий сказал, что ящик Пандоры открыт. Спрячь в него вместо Недоли Долю – и у живущих не останется даже надежды, чтобы выжить³.

Перун уточнил:

– Ящик Пандоры в данном случае – сама Катерина: в ее теле обитала Недоля, то есть все несчастья земли. Я прав? Но сила Катерины – при ней... Если только... – Велес поднял бровь, подталкивая брата проговорить фразу до конца. – Если только Темновит не решит заменить в теле Катерины Долю на Недолю... – Он вскинул голову, нахмурился: – А это возможно?

– Они были в одном теле очень много лет, Яромир. Сейчас Катерина спрятана от всех, она обижена на меня и в отместку почти не использует силу... Я боюсь, что своими действиями приведу Темновита к Катерине. Что, если Флавий этого и добивается?

– У тебя все равно нет других шансов...

– Кроме как рискнуть своей дочерью? Еще раз? – Велес тяжело опустился в кресло, тяжело облокотился на спинку. После долгой паузы попросил:

– Мирославе не говори.

³ Велес имеет в виду миф, по которому любопытная Пандора, выпустив из ящика (кувшина) все несчастья, испугалась и захлопнула крышку в последний момент. На дне ящика осталась лишь надежда.

Глава 2

Катя

Будильник настойчиво жужжал на тумбочке, постепенно наращивая громкость поднадоевшей мелодии. Катя открыла глаза, уставилась в потолок. Сегодня суббота. Не надо идти ни в колледж, ни на работу – зачем она вообще включила будильник? Можно было бы выспаться.

Будильник смолк, переключившись в режим ожидания. Катя знала: включится снова через пять минут и будет играть на нервах еще какое-то время.

– Надо вставать, – посоветовала сама себе.

Потянувшись, села на кровати.

– Алиса, включи бодрую музыку!

Серебристая колонка мигнула зеленым, сообщила:

– Включаю музыку по вашему вкусу.

Заиграли бодрые биты, их сменила плотная барабанная сбивка и заводной гитарный рифф. Катя зевнула:

– Вот так-то лучше.

Снова завибрировал сотовый, на этот раз сообщая о входящем звонке. Катя покосилась на аппарат: «Дядя Рауль звонит», – сообщал экран.

Доктора, так внезапно вошедшего в ее жизнь в ночь исчезновения мамы, приглядывавшего за ней эти годы, она звала

дядей Раулем, хотя, конечно, никакой он ей не дядя.

Посмотрев на высветившийся номер, девушка сразу вспомнила, зачем поставила будильник в выходной на 6:30 утра – обещала поехать с Раулем Моисеевичем в магазин, помочь выбрать обои. На самом деле он просто искал повод встретиться с подопечной и удостовериться, что с ней все в порядке. Катя это прекрасно понимала, но была не против повидаться.

– Доброе утро, дядя Рауль, я уже встала и скоро приеду к вам, – отрапортовала она в трубку. В ответ услышала надсадный кашель. – Да вы, кажется, простудились?

– Оно самое...

– Температура? Горло? Что еще болит?

Рауль Моисеевич усмехнулся:

– Сразу видно, внучка доктора...

Он называл ее внучкой. Тогда, четыре года назад, она даже какое-то время жила у него. Всем сообщили, что мама уехала в длительную командировку, а Катя осталась на попечении дальнего родственника. Катя переехала к нему, перешла учиться в школу рядом с его домом. Изначально планировалось – до конца 11-го класса. Но Катя после 9-го решила поступать в колледж – надеялась, что ее, как взрослую, отпустят и она сможет жить отдельно в родной квартире.

Но не тут-то было. Рауль Моисеевич строго придерживался взятого перед Катиными родителями обязательства – приглядывать до «пока не вырастет», а этот момент он связывал

исключительно с совершеннолетием.

– 18 лет исполнится – топай куда хочешь, слова не скажу, – ворчал он и сразу мрачнел. Катя понимающе вздыхала – дядя Рауль боялся, что снова останется один в квартире, пропитанной воспоминаниями.

И она смирилась.

В день ее 18-летия он символично положил на стол ключи от маминой квартиры:

– Держи. Но я был бы рад, если бы ты решила остаться.

Катя поцеловала его в щеку, пообещала навещать почаще.

И все-таки переехала.

– Может, лекарства привезти? – спросила, прикидывая, сколько времени потребуется, чтобы смотаться до дежурной аптеки и доехать до названного деда.

– Что я, онлайн-приложением не умею пользоваться, по-твоему? Все, что надо, уже заказал.

– Не занимайся самолечением, вызывай врача! Мало ли...

Слушая его надсадный кашель, она все больше волновалась: как бы не что-то серьезное.

Рауль Моисеевич снова закашлялся, усмехнулся:

– Вызван-вызван врач... Я чего звоню... – он помолчал. –

От матери твоей весточка пришла.

У Кати оборвалось сердце.

«Весточками» дядя Рауль называл письма, которые приходили ему от Мирославы: они обменивались посланиями через шкатулку темного дерева, ту самую. Он клал письмо

внутри, из нее же через пару дней получал ответ – исписанный плотным почерком лист.

Мама считала, что так понятнее для него: «Чем меньше волшебства, тем лучше».

С ней самой мама говорила напрямую – появлялась по утрам, с зарей, когда миры почти соприкасались. Приходила, усаживалась на край кровати, гладила по голове. Кате нравилось, что мама о ней беспокоится, – она снова чувствовала себя любимой здесь, вдали от родителей.

– Может, вернешься домой? – как-то обреченно спрашивала мама почти каждый раз.

Катя упрямо качала головой; мама тайком вздыхала – не то с горечью, не то с облегчением. Но Катя не хотела снова дворцовых тайн, снова терпеть отчуждение и чувствовать свою ненужность.

– Здесь я знаю, кто я, – объясняла снова и снова.

– Так не пройдя пути, не узнаешь, чего ты стоишь. Нельзя же вечно прятаться.

После таких слов Катя уходила в глухую оборону; мама еще раз вздыхала и медленно таяла вместе с рассветом.

И вот сейчас, видимо, в ход пошла тяжелая артиллерия – Рауль Моисеевич, которому Катя просто не может отказать – слишком долго объяснять причины, проще согласиться. О чем мама решила попросить в этот раз? Катя насупилась:

– И чего она хотела?

Рауль Моисеевич откашлялся, вздохнул:

– Попросила переговорить с тобой, чтобы ты выслушала отца. Там у них что-то важное к тебе.

– Ну естественно, – Катя возмущенно закатила глаза.

Разговоров с отцом все эти годы Катя старательно избегала.

– Слушай, Катерина, я не знаю, что там у вас произошло, никогда не спрашивал и не вдавался в подробности, кто я, в самом деле, тебе такой... – Снова приступ тяжелого кашля. – Но именно это обстоятельство позволяет мне смотреть на твои отношения с родителями со стороны. А со стороны это все выглядит ребячеством...

– Дядя Рауль...

– Ребячеством! – он повысил голос и снова закашлялся. – Которое можно простить девочке-подростку, но никак не стоит прощать взрослой девушке, какой ты, собственно, уже давно являешься...

Катя простонала:

– Ну вы же не знаете ничего. Как вы можете так говорить?!

– Могу. Потому что я старый и больной. И жизнь повидал. И знаю, что семья и ее целостность – главное достояние в жизни человека. Нет этого достояния, и всё – нет человека.

– Так уж и нет...

– Нет... Я помню тебя в тот день, когда заболела твоя мама. Ты была семейным ребенком, если понимаешь, о чем я говорю. – Он снова замолчал. Катя услышала, как он выпил воды, перевел дыхание. – Хотел я это с тобой обсудить, когда

увидимся, чтобы глаза твои видеть. Но не судьба, так скажу...

При словах «не судьба» Катю полоснуло будто раскаленным докрасна ножом: как там сестра, Недоля, успокоилась ли или так и бродит по коридору времен?

– Что значит «не судьба»? – встрепенулась девушка. – Вы что-то от меня скрываете?

Рауль Моисеевич отмахнулся:

– Да ничего не скрываю, к слову пришлось... – Он продолжал: – Ты пойми, наша сила – в корнях. В семье, значит. Даже если отец в чем-то не прав был, поговорить с ним стоит, выслушать. Понять... Нельзя всю жизнь вспоминать прошлые обиды. Понимаешь?

Катя кивнула:

– Понимаю.

– А если так, то пообещай отца выслушать. Да не в штыки все принимать, а с мыслью, что вы – родные. Невзирая на прошлое. Обещаешь?

Катя вздохнула:

– Обещаю, хорошо.

– Ну вот и славно, – голос Рауля Моисеевича потеплел. – Пойду я, прилягу.

Он отключился, а Катя почувствовала, как ее заполняет паника: что, если отец хочет заставить ее вернуться, чтобы стать женой Флавия? С момента своего совершеннолетия она думала об этом всё чаще. Что мешало теперь испол-

нить договор? Может, уже помирились они за четыре прошедших года – у нее не было никакой информации. Однажды она спросила об этом у мамы, так та начала рассказывать о необходимости налаживания отношений с соседними государствами, династических браках и ответственности государей. Единственное, что она поняла из тирады, так это то, что в случае чего ей не отвертеться.

* * *

Весь день после разговора с Раулем Моисеевичем она маялась и нервничала, ожидая появления отца. На нервах убралась в квартиру, выстирала белье. Порядком взбудораженная, пошла в магазин за хлебом. Купила печенье, сыр, но про хлеб забыла и вспомнила, только открывая дверь квартиры. Чтобы снова не идти в магазин, решила нажарить блинов – и руки заняты, и голова свободна. Словно желая ее довести до белого каления, примерно в половину шестого в дверь позвонили.

Катя отставила сковороду на холодную конфорку, пошла открывать. На пороге стоял Данияр с пакетом из продуктового. В руке он держал надломленный батон хлеба.

– Чего явился? – Катя была особенно раздражена сегодня, и появление исчезнувшего несколько недель назад Поводыря только добавило масла в огонь.

Он словно ожидал такой встречи: улыбнулся широко и,

протискиваясь мимо девушки, чмокнул ее в щеку – с губ Поводыря слетел мягкий аромат свежеиспеченного хлеба. Он вошел в коридор.

– Я тоже тебе очень рад. Как вижу, ты по мне скучала, – он сбросил с плеч куртку, пристроил на вешалку, затем отнес пакет на кухню.

Катя посмотрела ему вслед, нахмурилась.

– С чего ты это решил?

– Ну как же, ты злишься, значит, заметила мое отсутствие и тебе не все равно, есть я рядом или нет, – распахивая дверцу холодильника, он подмигнул девушке.

– Мне все равно. Потому что, как видишь, в твое отсутствие я себя неплохо чувствую...

Данияр ее словно не слышал.

– ... О, блины! Прямо к моему возвращению! – Поводырь просиял и схватил с тарелки самый верхний, еще дымящийся паром, но тут же бросил его назад. Отдергивая пальцы и обжигаясь, свернул трубочкой, подул: – Ох, горячий... Сгущенка есть? Да и так отлично! Вкуснотища!

Катя решительно прошла мимо него, отодвинула тарелку подальше. Демонстративно развернулась и скрестила руки на груди. Данияр доел блин, внимательно разглядывая девушку.

– Ты ждешь кого-то? Я не вовремя? Мне уйти?

Катя вспыхнула:

– Да, жду. Нет, не не вовремя. И нет, остаться.

– Ничего не понял, но мне уже интересно, – он уселся за стол, приготовился слушать.

Катя порывисто выдохнула, посмотрела на тарелку, про-
бормотала:

– Отец сегодня придет.

Данияр схватил со стола яблоко и с хрустом откусил.

– М-м.

Но по его неопределенному «м-м», по той поспешности, с которой он вцепился в яблоко, Катя отчетливо поняла, что он в курсе. Более того: он точно знал, что отец появится сегодня. И, вероятнее всего, знает, в связи с чем. И поэтому прервал свои скитания между мирами и явился. Именно сегодня.

Катя повернулась к плите. Налив теста на сковороду, развернулась обратно и воинственно выставила вперед нож, которым переворачивала блинчики:

– Если ты что-то знаешь, самое время в этом признаться!

– Э, не, меня в свои разборки с родителями не вмешивай. Я Поводырь. Я в игры богов не играю.

– А в какие играешь? – она уставилась на парня. – Помнится, ты обещал избавить меня от Залого власти...

Тот деловито прищурился, отвел взгляд.

– Ты же знаешь, что все оказалось сложнее, – он нахмурился и посмотрел с осуждением. – Но я честно прячу тебя здесь так, что ни одному мороку не сыскать. Что касается Велеса... Скажем так: я догадываюсь, в чем причина такого

спешного визита, но рассказывать ничего не буду. Даже не проси.

Но Катя уже сама догадалась:

– Что-то с Гореславой? Ее нашли?

Забыв о блинах, она опустилась на табурет напротив Данияра. Поводырь посмотрел на нее серьезно:

– Ты чувствуешь ее?

– Нет... Вернее, мне кажется, что нет... Не знаю. А что?

– Хорошо бы понять, где она, в каком мире, что с ней...

Поводырь отвернулся к окну – верный признак смятения и задумчивости. По кухне потянулся запах подгоревшего теста. Катя спохватилась, сняла почерневший блин со сковороды.

– Мне не нравится то, что происходит, – проговорил наконец Данияр. Катя насторожилась и обратилась в слух. – Словно на головы людей разом обрушились все беды и несчастья. Так душно в мире...

Девушка медленно обернулась:

– Разве это возможно? Темный морок хранит людей.

Данияр покачал головой:

– Если в серую краску бесконечно добавлять черноту, она рано или поздно превратится в эту черноту.

Катя медленно опустилась на стул:

– Все беды обрушились на головы, говоришь? Не хочешь ли ты сказать, что Темновит заполучил Гореславу? Что еще могло ослабить темный морок?

– Как свет – противоположная сторона тьмы, так и вы с Гореславой – две стороны одной силы. Перейди одна из вас на службу какому-то из мороков – мир изменится до неузнаваемости.

Мама говорила ей об этом давно, когда пыталась объяснить, зачем Катю оторвали от дома, спрятали в мире людей.

– Отец будет просить найти Гореславу?

Данияр задумчиво кивнул.

– Кажется, ты единственная, кто сможет это сделать.

* * *

Милану не отпускало чувство беспокойства. Даже оказавшись в своей комнате, она озиралась по сторонам, будто эта странная девочка могла и здесь выскочить из темноты со своими странными вопросами и безумными глазами. Устроившись на кровати, Милана с опаской поглядывала в окно: ей всё мерещилось, что за ним кто-то стоит и смотрит на нее из темноты. Она так и заснула – сидя, с включенной настольной лампой. Ее разбудил шум в коридоре. Были слышны торопливые шаги, а из кухни потянулся приторный запах лекарств.

Девочка встала, приоткрыла дверь: мама суетилась на тесной кухоньке – что-то торопливо искала, роясь в ящике. Рядом с ней на стуле стояла спортивная сумка, заполненная нехитрыми вещами: махровое полотенце, тапочки в полиэтиленовом пакете, цветастый халат и ночная сорочка с неза-

будками.

– Мам, ты что?

– Бабушке плохо, – не оборачиваясь, прошептала и всхлипнула. – Скорую вызвали.

– А сумка для чего? – Милана знала, конечно, ответ, но он не укладывался в голове – с бабушкой они виделись всего несколько часов назад, она была здорова и ни на что не жаловалась.

Мама оглянулась через плечо:

– Если скажут, что госпитализировать надо... Милана, принеси ее зубную пасту и щетку, положи в сумку.

Милана побежала к умывальнику, схватила зубную щетку и пасту и рванула назад. На обратном пути заглянула в комнату бабушки – та лежала, положив натруженные руки поверх одеяла, дышала тяжело, прерывисто, выпуская из груди тонкий и протяжный свист.

Девочка проскользнула в комнату.

– Бабуль, – тихо позвала Милана.

Бабушка приоткрыла глаза, посмотрела мутно прямо перед собой, будто и не увидев девочку. Та подошла еще ближе, коснулась руки женщины – кожа оказалась холодной и липкой от пота.

– Бабуль, ты как? – она легонько сжала пальцы бабушки, надеясь, что та почувствует ее присутствие.

Рука соскользнула с одеяла, перевернулась ладонью вверх. Милана ахнула и отпрянула, невольно отдернув ру-

ку, – подушечки пальцев потемнели и покрылись тонкой сеткой воспалившихся капилляров. Ладонь отекала, став будто восковой.

– Милан, ну ты что? – зашла в комнату мама. Ее голос и вывел девочку из оцепенения.

Она обернулась через плечо, спросила:

– Что это с ней?

– Не знаю. Стала задыхаться, отекала. Я сделал укол и вызвала скорую. Папа греет машину, чтобы тоже ехать в больницу... Ты поедешь с нами или останешься? Я попрошу соседку тетю Галю присмотреть за тобой.

Милана представила, как будет изводить себя тяжелыми мыслями в опустевшем доме, торопливо отозвалась:

– Нет. Я с вами!

Глава 3

Отец

Отец появился внезапно, едва сумерки коснулись плоских крыш города. Проявился из длинной тени на подоконнике, шагнул полупрозрачным духом в комнату. Катя и Данияр едва закончили ужинать, включили новый сериал на ноутбуке. Заметив тень отца, Поводырь отстранился от девушки, откашлявшись и пробормотав приветствие, извинился и вышел.

Катя смотрела на отца. Высокий, сильный, стремительный. Так хотелось поймать его улыбку, удостоиться ласкового взгляда. Девушка медленно встала из-за стола, закрыла ноутбук. Отец пересек комнату – его тень медленно материализовалась, и он сел напротив.

– Данияр часто бывает здесь? – спросил вместо приветствия.

Катя пожала плечами:

– Заходит иногда... Между нами ничего такого нет, если ты об этом.

Сказала – и сама почувствовала, как сердце забилося тревожнее, а щеки залила краска. Как раз в том самом месте, которого недавно коснулись губы Данияра. Отец был сильно увлечен своими мыслями – не заметил, согласно кивнул,

удовлетворившись объяснением дочери:

– Этот лис твердил мне, что не знает, как ты себя чувствуешь.

Слова о том, что Данияр не стал шпионить за ней и докладывать отцу, отозвались в груди – стало горячо и... колко.

– А почему он должен знать? Я ему не докладываю, он не спрашивает без надобности... – Катя почувствовала раздражение. – Ты за этим пришел? Поговорить о Данияре? Так, может, нам его позвать? Что мы его обсуждаем за спиной? Нехорошо как-то.

За дверью где-то в глубине коридора что-то загрохотало и будто бы рассыпалось. Послышалось недовольное бормотание Поводыря.

– Я не за этим. Присядь, – Велес царственно указал на стул. – Мне нужно знать, виделась ли ты с Гореславой. И если да, то как давно.

– Четыре года назад в коридоре времен. О том я тебе подробно рассказывала.

– И больше вы не встречались?

Катя покачала головой. Отец нахмурился. Пальцы нервно барабанили по столу.

– Ты ее чувствуешь? В том смысле, что знаешь, где она?

Катя снова покачала головой.

– Что происходит, отец?

– Флавий намекает, что захватил ее. У него по-прежнему в руках мое слово и Залог власти... Он намекает, что она

исполнит обет и станет его невестой.

Катя опешила, посмотрела на отца, будто желая уверить-ся, что он здоров.

– Она же умерла, что за бред? Она дух. О каком браке может идти речь? – Катя не могла понять, чего так боится отец, откуда в нем эта неподдельная тревога. – И зачем ему это? Зачем ему мертвая царица? Ради силы?

Отец перевел на нее тяжелый взгляд, проговорил строго, чуть повысив голос:

– Катя, речь о моем обете, обещании отдать в жены свою дочь и скрепить власть человека и богов. Обещании, данном на крови, которое не разорвать до самой смерти. Это слово может быть предметом торга само по себе, предметом сделки между Флавием и Темновитом – император может уступить его моему брату. Если это произойдет и Гореслава окажется во власти Чернобога, то он сможет обрушить все несчастья мира на наши головы. Болезни, катастрофы, войны... – Он пристально посмотрел на дочь, умолчав о том, что, вернее всего, Гореслава – лишь способ захватить силу Катерины и лишить мир последней надежды, самой возможности спасения. – Нужно узнать наверняка, где она. Только зная точно, что она не в его руках, я смогу действовать...

Катя молчала, смотрела на отца и начинала понимать, что именно он от нее хочет.

– Почему я?

– Вы так долго были вместе, что ты должна ее ощущать.

Он говорил с таким нажимом, что Катя почувствовала себя виноватой. Качнула головой:

– Нояне...

Царевна растерялась. Катя в самом деле Гореславу не ощущала. Более того, находясь в мире людей, девушка все реже использовала морок, все больше забывала то, чему учили ее Стар и Ярослав. После восемнадцатилетия ей даже показалось, что сила покинула ее – дочь Макоши и Белеса с трудом призывала даже темный морок, призрачный заяц становился все более нечетким и рассеивался туманом, едва сформировавшись.

– Данияр! Зайди! – отец встал. Сосредоточенный взгляд, плотно сжатые губы – казалось, к нему возвращается самообладание.

Молодой человек открыл дверь, застыл на пороге.

Велес заговорил с ним так, будто продолжал давно начатый разговор, будто ожидая, что не присутствовавший при разговоре с Катей Поводырь должен быть в курсе его содержания. Получалось, Данияр в самом деле знал, о чем Велес планировал говорить с Катей.

– Нужно найти способ, чтобы Катерина смогла увидеть Гореславу. Думай, что можно сделать... Я не вижу ее в мире богов. Могу предположить, что Темновит не найдет ее и в мире усопших. Значит, она может быть здесь, в мире людей. С Катериной у нее самая тесная связь из всех возможных, они сестры... К тому же, как известно, у них было одно

тело долгие годы. Если кто и сможет ее найти, так это только она. – Велес окинул взглядом дочь, словно убеждая самого себя в верности сказанного. – Катя, Данияр, я прошу вас быть очень осторожными и не демонстрировать силу Доли; но я полностью развязываю вам руки, вы можете использовать любую доступную вам волшеббу, кроме этой. Чем быстрее вы всё выясните, тем лучше... – Он встал. Глубоко вздохнув, повернулся к дочери, сообщив ей главное: – Мы на пороге войны, царевна, и, если все беды и болезни земли в руках врага – это слишком опасное оружие.

* * *

Велес исчез так же стремительно, как и появился.

Катя с разочарованием смотрела на место, где он только что стоял, наблюдала, как тают очертания его тени на подоконнике.

– Что скажешь? – спросила у Данияра, замершего за ее спиной. – Для тебя ведь все это не было новостью.

– Если ты сказала правду, что не чувствуешь Гореславу, то мне ответить нечего. Я озадачен.

– Я сказала правду, – Катя резко обернулась и посмотрела на Поводыря с вызовом. – Я вообще почти ничего ТАКОГО не чувствую.

Она поманила рукой тень из угла комнаты. Та сформировалась в небольшой комочек с едва различимыми очертания-

ми: длинные ушки еле заметно трепетали, любопытная мордочка настороженно замерла, подвижный нос хватал воздух. Призрачный заяц сделал неуверенный шаг к призвавшей его девушке и, выйдя на освещенный пяточок, тут же растаял.

Катя с раздражением перевела взгляд на Данияра:

– Видишь?

Он пожал плечами, отошел к стене:

– Это потому что ты не практикуешь.

– Это потому что я не хочу туда возвращаться. Нет желания снова слушать про богов и чужие войны.

Девушка порывисто села, скрестила руки на груди и положила ногу на ногу, всем своим видом демонстрируя досаду. Данияр наблюдал за ней.

– А если эта война не чужая? – уточнил он. – Если она уже началась и идет за твоим окном? Идет прямо по любимому тобой городу людей?

Катя насторожилась, взгляд стал растерянным:

– Ни к чему эти твои аллегории. Я в них ничего не понимаю.

– Да уж какие аллегории... – он взял пульт от телевизора, включил его.

Ведущий на новостном канале рассказывал о росте заболевших во время пандемии.

– Власти готовы ввести очередной локдаун, если ситуация не улучшится. Первыми будут закрыты предприятия общественного питания, торговые центры и развлекательные

учреждения. За ними...

Данияр переключил канал. Мутные бушующие воды, крик женщины за кадром – грязевой поток, ударившись об угол дома, потянул его за собой. Беленная известью стена подалась вперед, выбивая опору красной черепичной крыши. Дом повело, а в следующее мгновение, под оглушительные крики ужаса за кадром, он обрушился и поплыл вдоль обрыва, увлекаемый потоком.

Поводырь снова переключил канал. По проселочной дороге живым ковром передвигалась саранча. Среди паузы, взятой корреспондентом, поскрипывали миллионы крыльев, шелестели цепкие лапки.

– Ну? Ты все еще считаешь, что война идет где-то там? – он посмотрел на девушку, ожидая ответа.

Та устало прикрыла глаза, отмахнулась:

– Данияр, какая война? Это природные бедствия, пандемия... Ну что ты как маленький. У нас довольно беспокойная планета. Вам, как ее создателям, это должно быть известно.

Но он не ответил, не сводя с нее пристального взгляда.

– Бедствия. Это правильное слово, – прошептал Данияр наконец.

Катя в шоке распахнула глаза.

– Ты ведь не хочешь сказать, что... – Она подняла на него взгляд. – Ты думаешь, Флавий сказал правду:

Гореслава находится в его руках и теперь все болезни и

несчастья мира обрушились на наши головы?

Данияр решительно выключил телевизор, пробормотал:

– Я ничего не хочу сказать. Но меня удивляет, что ты не замечаешь очевидного.

Катя закусила губу, нахмурилась. За окном шумел проспект, громко выла сирена скорой.

– Если Флавий уже поймал ее в свои сети, то что я могу сделать?

Поводырь пожал плечами:

– Поймал, не поймал... Можно сто лет гадать и наблюдать, как появляются новые надгробия на кладбищах, а можно сделать то, о чем просит Велес, и спасти тысячи жизней. Ты все-таки не простая девушка, ты царица и богиня Доля. И, – он строго посмотрел на Катю, – обязанности свои выполняешь спустя рукава.

Он кивнул на выключенный телевизор.

Катя вспыхнула.

– Я не просила будить во мне силу. Я не хотела быть Долей.

Данияр пожал плечами:

– Выбор при рождении есть только у Хаоса... Если говорить нелюбимыми тобой аллегориями. Но ты не он...

Катя долго молчала. Данияр не торопил ее – отойдя к окну, смотрел на крыши домов. В медленно темнеющем отражении были видны небольшая уютная кухня, стол и ссутулившаяся за ним девушка. Она сильно изменилась за годы,

что Поводырь провел рядом с ней. Из растерянной девчонки превратилась в ершистого подростка. Из ершистого подростка – в юную девушку с затаенной обидой на отца и мать.

Он много раз говорил ей, что обида – плохой советчик. Но всякий раз Катя замыкалась, даже отталкивала его, не желая обсуждать очевидное. Тогда он уходил, продолжая жить между мирами, балансируя на тонкой грани, где живое превращается в мертвое, а мертвое – в вечное. Уходил, чтобы наблюдать за ней вот так же, как сейчас – через синее полотно темнеющего окна. Уходил, чтобы снова вернуться – он дал слово защищать ее здесь. Скрывать от посторонних, путать следы. Его подопечная и представить не могла, каким плотным коконом она окружена.

Увидела бы, если бы захотела... Но она не хотела.

– Я правда ее не чувствую, – неожиданно заговорила Катя, но совсем иным тоном, без раздражения и досады в голосе. – Совсем... Я думала об этом. Но решила, что так и должно быть.

Данияр продолжал рассматривать ее в отражении.

– Так не может быть. Она была внутри тебя столько лет. У вас одна кровь...

Катя упрямо мотнула головой:

– Но ведь отец тоже ее не чувствует, как он сказал. А он Велес! Если даже он ее не видит, то что могу я? Ты же знаешь, во мне почти не осталось силы...

Данияр словно ждал этого вопроса.

– А это уже совсем другой разговор... – Развернувшись к девушке, он скрестил руки на груди, подался чуть вперед и бросил на нее лукавый взгляд. – Слушай... Ты ведь хорошо помнишь тот день, когда вы столкнулись с Темновитом?

Катя неохотно кивнула, глядя на Поводыря с опаской. Тот говорил негромко, задумчиво, проговаривая то, что считал важным:

– Когда мы с Берендеем появились в коридоре времен, он держал острие своего меча у твоего горла. Берендей, уколол тебя, отравился черным мороком, которым оказалась пропитана твоя рана...

Он замолчал. Катя решила, что он ждет от нее каких-то выводов, качнула головой:

– Я все равно не понимаю.

– Гореслава, исчезая, забрала этот меч с собой, помнишь? – прошептал Поводырь.

Катя с усилием кивнула:

– Помню. Только при чем тут это?

– Я думаю, не попробовать ли нам найти Гореславу по этому мечу. Вернее, даже не по нему самому, а по твоей крови, которая осталась на его клинке. Это была последняя кровь, которая его коснулась, понимаешь?

Девушка округлила глаза, призналась:

– Не очень...

Данияр, казалось, не услышал ее ответа и заговорил увереннее:

– Это отличная идея! Ты сможешь почувствовать свою кровь, это несложно. Она приведет тебя к мечу. А меч – к Гореславе.

– А с чего ты взял, что он все еще с ней? Может, она его бросила где-нибудь... Или он вернулся к Чернобогу.

Данияр пожал плечами:

– Ну, пока не проверим, не узнаем. Это во-первых. Во-вторых, я уверен, что он с ней... Или она к нему периодически возвращается. Совершенным с ней обрядом освобождения Гореслава застряла между мирами, она не жива и не мертва, не дух и не морок. Меч для нее – что-то вроде краеугольного камня: с помощью него ее освободили из твоего тела, он – единственное, что она ассоциирует с жизнью... и с тобой. Она ведь тоже чувствует твою кровь на нем.

– Почувствовать кровь? Я не упырь какой-нибудь. Как я это сделаю?

Данияр поморщился:

– Это что-то вроде субъективного ощущения существования конечности после ее ампутации, фантомная конечность, если слыхала такой термин когда-нибудь. – Теперь настала очередь Кати поморщиться будто от зубной боли. Поводырь мрачно усмехнулся: – В человеческой медицине этот синдром изучен не до конца, но это потому, что обычные врачи не знают о мороке. И силе крови.

– Бог мой, это звучит так по-идиотски, что почти наверняка окажется правдой, – Катя картинно закатила глаза, по-

ложила голову на скрещенные руки. – И как ты думаешь это сделать? У нас нет ни волшебной карты, ни поворотных камней, которые бы привели нас к мечу. Ничего, кроме просьбы отца и его намерения развязать нам руки.

Данияр усмехнулся:

– Этого достаточно. Но нам нужно, чтобы ты могла одновременно видеть все три мира: людей, богов и усопших.

Катя насторожилась:

– Да это невозможно. Три мира – это как стеганое одеяло, соединенное поворотными точками. Я помню. И как это увидеть одновременно?

Данияр задумчиво потер лоб, посмотрел на Катю с ухмылкой:

– Есть одна вещица, которая нам поможет.

* * *

Искусанные, потрескавшиеся губы кровоточили. Здесь было больно – как всегда в мире людей, – но тепло. Чуть теплее, чем там, в призрачной тени скал. И это тепло тянуло ее к себе, словно она была голодна.

– Эй, есть здесь кто-нибудь? – позвала, подслеповато вглядываясь в полумрак.

Усталость накатывала с новой силой – она приходила вместе с болью, стоило ей приблизиться к человеческому жилью, чтобы согреться.

Гореслава остановилась, чтобы перевести дыхание, тяжело оперлась на забор.

Где-то вдалеке залаяла собака. Она боялась этих хвостатых и лохматых – от их лая становилось беспокойно где-то внутри, будто там закипало что-то неживое, тоскливое. Поэтому сейчас, услышав призывное «гав» с подвыванием, она оглянулась и не сразу заметила, как к ограде подошла девочка. Скорее всего, она уже давно стояла здесь и наблюдала за ней.

Гореслава постаралась улыбнуться, прошептала приветливо:

– Сейчас лето?

Странно, но девочка вздрогнула, отшатнулась. В глазах мелькнули презрение и страх. Она едва не выронила блестящую коробочку. У Гореславы такой никогда не было.

Но, кажется, такая была у Кати, ее сестры. Недоля прильнула к забору, обхватила худыми пальцами перекладину, чтобы рассмотреть диковинную вещицу получше. Это окончательно испугало девочку за забором. Она с трудом сглотнула, перевела дыхание и сделала шаг назад, к дому – Гореслава видела теперь его отчетливо: он проступал в непроглядной тьме, будто освещенный сверху.

– Д-да, лето, – проговорила девочка, а у самой дрожали руки.

Гореслава хотела ее успокоить. Обрадовавшись тому, что с ней заговорили, ей ответили, она улыбнулась еще шире и

протянула к ней руку:

– А как тебя зовут? Давай дружить?

– М-милана, – девочка сделала еще один шаг назад.

Гореслава теперь видела не только ее и ее дом, но и лужайку, поблескивающую округлыми боками машину. Но взгляд снова вернулся к блестящей коробочке в руках Миланы:

– Что это? Можно посмотреть? – она протянула руку через забор, не заметив сперва, как из-под пальцев посыпалась угольно-черная беда.

А Милана сразу увидела: ахнув, она стремглав бросилась к дому.

Гореслава отдернула руку, спрятала за спиной. Поздно: черная пыль въедалась в землю у ворот, с чавканьем прорастала по периметру забора и тянулась к человеческому жилью. Недоля, присев на колени, изловчилась, просунула пальцы сквозь щели в ограде, скovyрнула и зажала в кулак отравленную бедой почву. Но та уже пустила ростки.

Совсем рядом Гореслава слышала шелест. Подхватив юбки, нырнула в холодный сумрак, уже из укрытия наблюдая, как собака, подбежав к тому месту, где она стояла, зло зарычала.

– Брысь, брысь! – с крыльца прогнала ее пожилая женщина, уже обнимавшая перепуганную Милану. – Собаку испугалась? Так она за забором, к нам во двор и не переберется. Чего ее бояться?

Девочка всматривалась в темноту – в какое-то мгновение

Гореславе показалось, что та видит ее, но девочка, что-то ответив бабушке, отвернулась и открыла дверь.

Старушка, будто встревожившись от сказанного внучкой, спустилась с крыльца, пересекла двор и остановилась у калитки.

Гореслава закусила губу, уставившись на землю, по которой черными змеями ползла беда. Заметив приблизившегося человека, потянулась к ней.

«Уходи, уходи в дом», – иступленно шептала хозяйке Гореслава.

Но женщина, запахнув шаль на груди, вглядывалась в темноту, рассеянно прислушиваясь к голосу внучки.

– Взгляд не фокусируется и губы черные... – донеслось до Недоли.

Бабушка оглянулась на внучку, уточнила с удивлением:

– Черные?

– Ну да, будто сажей измазанные! Говорю ж, странная какая-то.

«Уходи!» – молила старушку Гореслава из своего укрытия.

Пожилая женщина пожала плечами и повернулась к дому. Подол юбки коснулся травы, сбив с длинных листьев пыль.

Гореслава застонала.

Обернувшись в холодную темноту, побрела прочь от человеческого жилья. Всякий раз, когда она пыталась выйти к людям, согреться и хоть немного поговорить, происходило

одно и то же: из-под ее пальцев сыпалась черная пыль. Она ничем не пахла, не ощущалась на губах. Но оживала, стоило ей коснуться земли, прорастала мгновенно и приносила им горе и боль. Не стоило много ума, чтобы понять: то, что сыпется из-под ее пальцев, – беда.

Она старалась обходить жильё и обитаемые земли, когда выбиралась погреться. Потому что постоянно находиться в тени и холодном мраке не было никаких сил. Она околевала до состояния, когда голова переставала работать, а сознание – сопротивляться неистовому желанию выйти к людям и утолить голод, что сопровождал ее с тех пор, как она рассталась с Катей.

Глава 4

Первый шаг

Белый мрамор, нежно-голубая бирюза с золотыми прожилками и ряды стройных белоснежных колонн – Катя, затаив дыхание, шла по галерее, ведущей к отцовскому кабинету в Раграде. Впереди уверенно шагал Данияр, Катя же передвигалась опасливо озираясь, как нашкодившая школьница.

– Когда ты говорил о вещице, я думала, ты имеешь в виду что-то иное, – прошептала девушка со стоном в голосе.

Поводырь обернулся через плечо, подмигнул:

– И ни капли не соврал, заметь.

Рассеянно слушая, Катя с ужасом представляла, что их поймают как наихудших воров и они с Данияром с позором предстанут перед отцовы очи. Можно представить его удивленный взгляд: он дал им полный карт-бланш, а они по резиденции тайком шастают.

– Зачем мы сюда притащились, а?

– Нужная нам вещица именно здесь.

– Но это отцовская половина! Сейчас стража набежит! Уверена, отец не это имел в виду, когда говорил, что развязывает нам руки.

Данияр кивнул.

– Угу. Но именно здесь находится самый точный и самый

верный глобус – Земное яблоко⁴, – он снисходительно усмехнулся. – Надеюсь, тебе о нем уже рассказывали.

Катя опустила глаза – даже если и рассказывали, она пропустила это мимо ушей. Потому что зачем ей эта магия в Красноярске, где обычные люди живут обычной жизнью?

– Зачем он нам вообще? Ты что, глобуса не видел?

Поводырь покосился на нее через плечо, еще раз усмехнулся:

– Сейчас сама все поймешь.

В центре галереи в воздухе медленно вращался уже знакомый Кате гигантский бело-голубой хрустальный шар – точная копия Земли. Молочно-белые колонны, покрытые тонким кружевом серебристого узора, отражались в его глубине, преломлялись причудливо и загадочно. И от этого казалось, будто поверхность глобуса расслаивается, будто под ней – другая земля.

А от самого шара исходил низкий утробный гул.

Данияр замер рядом с ним, упер руки в бока и запрокинул голову.

– Видишь? – спросил, указывая куда-то вверх.

Катя прищурилась:

– Что я должна видеть?! Ну, глобус хрустальный, красивый, тонкая работа, наверняка какие-то магические свой-

⁴ Земное яблоко – название глобуса, созданного под руководством Мартина Бехайма в Нюрнберге в 1494 году самого древнего из сохранившихся и отражающего знания европейцев о мире по состоянию на конец XV века. Некоторое время все создаваемые глобусы так назывались.

ства, раз он здесь... и что?

– Ты карту не видишь, что ли?!

Катя хотела съязвить, что карта – это изображение на плоскости, но пригляделась: поверхность глобуса действительно была покрыта тонкой сетью кривых линий. Она икнула.

– Это границы стран, да?

Данияр кивнул:

– Знаешь, почему я вспомнил об этом глобусе? – Катя закатила глаза – именно об этом она спрашивала его уже битый час, пока они собирались и Данияр делал точку перехода – точно в тесное пространство между флигелем, в котором обитала Катя, пока жила в Раграде, и половиной родителей. Катя помнила эти две двери, одну из стекла и вторую – из плотного тумана. Не дожидаясь ее ответа, Данияр проговорил: – Это хрустальный глобус. Как и любой хрусталь, он находится сразу во всех мирах.

– Так вот почему предсказательницы гадают на хрустальных шарах?! Погоди, а как же стеганое одеяло...

Поводырь снова кивнул:

– Ну ты же в самом деле не думала, что Земля плоская?

В его руках мелькнула сфера – уже знакомый Кате Глаз всевидящий, – темное облако между ладоней юноши искрилось молниями.

– Иди сюда, – он позвал Катю, кивнул на образовавшееся между ладонями облако. – Смотри внимательно.

Катя, затаив дыхание, приблизилась и принялась разглядывать клубящийся мрак. Иссиня-черный, как сама тень Чернобога. Девушка с удивлением подняла взгляд и посмотрела на Поводыря – что за волшба такая, не черная ли? – но тот покачал головой, велел:

– Не отвлекайся!

В глубине облака сформировалась точка. Яркая, слепящая, будто полуденное солнце. Она разрасталась, вращаясь и медленно заполняя собой пространство между ладонями, пока не стала размером с очень крупное яблоко. Тогда ее вращение замедлилось, а свет чуть померк. Катя поняла, что в руках Данияра оказалась уменьшенная копия глобуса Земное яблоко, под которым они сейчас стояли.

– Ого, – выдохнула девушка.

– Смотри! Что ты видишь?

Катя не видела ничего, кроме хрустального шара. Линии границ государств мира богов наслаивались на границы государств в мире людей, словно выкройки на полупрозрачной кальке, реки казались трудно различимыми черточками, озера выглядели как дефекты на поверхности. Девушка хотела признаться, что ничего особенного не замечает, когда увидела тонкую черную нить, повисшую внутри шара. Будто застывший в хрустале волосок. Склонившись ниже, Катя взгляделась в него. Он формировался в глубине шара, петлял вдоль экватора, теряясь где-то за Северным полярным кругом.

– Ты что-то видишь? Рассказывай.

– Нить... Смотри, в глубине шара. Будто застыла в нем.

Ты видишь?

Она подняла глаза на юношу. Тот покачал головой:

– Нет, это видишь только ты. Гореслава не моя сестра. В ней нет ни капли моей крови.

Катя зацепилась за фразу:

– Слушай, но ведь тогда отец должен видеть. Глобус у него под рукой. Почему он не воспользовался этим или другим способом? Я не понимаю.

Данияр понимал, что у Кати оставались сомнения – в прошлый раз ей дали задание, отослав из дворца, чтобы иметь возможность закрыть двери перед ее носом. И сейчас она опасалась, что происходит нечто подобное. И не верила.

– Он не может видеть, он прямо сказал тебе об этом. Я думаю, что причина в том, что он отрекся от нее, когда скрыл факт ее рождения и подселил ее силу к тебе... Поэтому так важно, что видишь ты.

Катя опустила глаза, снова стала изучать хрустальную сферу в облаке Всевидящего глаза.

– Да я, собственно, ничего и не вижу... Может, и нить эта – просто преломление вот этого черного... что это – субстанция, туман, морок?..

Данияр нетерпеливо прервал ее, напомнив:

– Я не знаю, я не вижу. Продолжай описывать, что за нить.

Катя пожала плечами:

– Просто нить, Данияр. Ничего больше. – Она с раздражением посмотрела в глубь хрусталя и осеклась: глобус в руках Данияра чуть развернулся, изменился угол обзора, и перед глазами девушки оказалась уже не нить, а полотно. Живое, колышущееся, будто шелк в толще озерной воды. – Ой.

– Что «ой»? Катя, не буди во мне зверя.

Усмехнувшись, Катя описала, что видит.

– Но это, наверное, просто свет преломляется? – она с надеждой посмотрела на Данияра. Тот отрицательно мотнул головой. – И что теперь?

– Разгляди это полотно получше. Запомни в мелочах... А теперь медленно поднимай глаза и смотри на настоящий глобус.

– Это вроде переноса. Да? – Катя тарасилась изо всех сил.

– Вроде... Что ты видишь?

Катя послушно выполнила все, что требовал Данияр, посмотрела на огромный глобус. Внутри него плескалась тьма. Переливалась тончайшим покрывалом. Как дым над горящим лесом. Как настоящая беда.

– Черное полотно, разделяющее шар... Это след Недоли? – догадалась Катя.

– Скорее всего, это ее сила, которая расплескалась.

Катя с трудом представляла, как это все умещалось внутри нее.

– Так много? – пробормотала рассеянно.

Данияр кивнул:

– А будет еще больше. Вас потому и двое, что вы должны сдерживать друг друга, как два полюса, как плюс и минус... – Он дотронулся до плеча девушки, выводя из оцепенения. – Думай о мече Темновита, вспоминай его, как он выглядел. Представляй в своих руках. Задавай вопрос: «Где ты?» И ищи на глобусе место, где при этом полотно окажется ближе всего к поверхности. Там должен быть сейчас меч.

– А если их будет больше одной, этих точек? Или окажется непонятно?

– Значит, Недоля с ним перемещается. Или мы вообще ошиблись. Но ты смотри, смотри, – поторопил он, оглядевшись: в самом деле, дворец будто просыпался, стали слышны шорохи, отдаленные голоса. Что-то грохнуло, и прокричала птица. – Внимательно смотри.

Катя смотрела изо всех сил, так внимательно, что начали болеть глаза. Чем пристальнее она разглядывала глобус, тем больше рассыпалось полотно внутри хрустального шара, будто издеваясь над ней. Тонкие волоски, из которых оно состояло, тянулись к поверхности глобуса и обрывались, не доходя до нее, а само полотно колыхалось, рвалось на мелкие лоскутки и собиралось вновь. Шар вращался.

«Где же ты?» – позвала Катя, уже думая о сестре.

Одно из волокон метнулось к поверхности, проросло через нее, оставив на гладком хрустале черное пятно-кляксу.

– Вот она, – она подняла руку.

Данияр подsunул ей под нос созданную между ладоней ко-

пию сферы:

– Здесь покажешь?

Катя ткнула пальцем в возвышенность посреди Евразии:

– Здесь.

– Катя, точнее покажи. Нам это место потом в реальности найти нужно... – Он помрачнел и добавил: – В горах, что ли? Это похлеще, чем иголку в стоге сена искать.

Девушка прищурилась, еще раз посмотрела на хрустальный глобус, сверилась с прорисованным на нем рельефом местности.

– Вот здесь. Излучина реки, от нее выше и до вот этого плато... Точнее не скажу... Данияр, то есть меч находится где-то в мире людей?

Данияр направился назад, к выходу из галереи.

– Это объясняет, почему меч не видит Чернобог: он стал материальным, скорее всего, слился со своей реальной сущностью.

Катя помедлила всего пару мгновений, еще раз взглянув на хрустальный глобус – черное полотно внутри медленно таяло. Догнав Данияра, девушка спросила:

– Меч Чернобога существует на Земле, в реальности?

Юноша неохотно кивнул:

– Оказавшись в мире людей, он, вернее всего, соединился с каким-то другим оружием. Нам осталось его только найти... Только сперва в одно место загляну... Тебя могу домой отправить.

Он вопросительно посмотрел на спутницу. Девушка хмуро отмахнулась:

– Пошли уж.

* * *

«Одно место» Катя прекрасно знала – бывала в нем. И воспоминания сохранила самые тревожные.

Если бы Данияр был обычным человеком, то это место можно было бы назвать местом его службы. Но Данияр был магом времени, стражником мира усопших и Поводырем душ. И сейчас напрямик из резиденции Белеса вытянул Катю к Огненной реке, от которой поднимался тяжелый смрадный запах, и мосту, раскаленному до красноты. Мифическая река Смородина и Калинов мост.

Катя поморщилась и с опаской поглядела на реку: над ней поднималось алое марево, длинными языками касаясь темнеющего неба.

– Здесь всегда так?

Данияр повернулся к ней, хмыкнул неопределенно:

– «Так» – это как?

– Мрачно, жарко и воняет...

– А тут не курорт, тут врата Преисподней, в некотором роде... Тебе, если помнишь, вообще предложено было отправиться домой... Налила бы ванну с солевыми бомбочками, блаженствовала бы...

Данияр безмятежно шагал, поглядывая то себе под ноги, то на Катю.

Услышав про бомбочки, девушка насторожилась:

– Откуда ты знаешь про солевые бомбочки? – Она в самом деле пристрастилась к ним в последние месяцы, когда стала наконец жить одна. Добиралась до дома, набирала ванну, ставила на край огромную «новогоднюю» кружку с чаем – смешную, с текстильным принтом и мишкой на ручке. Бросала в воду ароматный шарик и наблюдала, как он, пенясь, растворяется, окрашивая воду то в бледно-голубой, то в розовый цвет.

Сейчас девушка с подозрением разглядывала прямую спину Поводыря. Фантазия уже рисовала картины, в которых тот подглядывает за ней через морок или еще как-нибудь – пойди разберись, что он умеет, это порождение Хаоса?

Данияр покосился на нее и самодовольно рассмеялся, догадавшись, о чем девушка подумала:

– Про бомбочки? Я, пока ждал завершения твоего разговора с Белесом, нашел целую коробку в шкафчике. Предполагаю, это не игрушки на ёлку и не конфеты.

Катя покраснела, пробормотала:

– Приличные люди по шкафчикам в ванной не лазят...

– Так то приличные... А я неуч и порождение Хаоса, – Поводырь рассмеялся.

Катя покраснела еще ярче – Данияр словно подслушал ее мысли. Поежившись от того, что так до сих пор до конца и не

знает всё, на что способен Поводырь, она зашагала дальше.

Посерьезнев, Данияр признался:

– Не дуйся. Я наткнулся на самом деле случайно, когда прятался в ванной во время вашего разговора с Белесом. Ванная – единственное место, откуда было по-честному не слышно. И я шумел шкафчиками, чтобы не прислушиваться... Открывал и закрывал, хлопал дверцами. Твои запасы и вывалились. Так что можно сказать, что я почти не виноват.

Катя посмотрела на него: светлые глаза улыбались, на губах играла снисходительная усмешка. Его манера смеясь, как бы промежду прочим говорить о важном выводила ее из себя. Она молчала. Под ногами хрустели сухие ветки, бурый от старости мох шелестел под подошвами кроссовок, поглощал все звуки, из-за чего казалось, что они идут по совершенно мертвому лесу.

«На самом деле мертвому», – Катя снова оглянулась на всполохи над Огненной рекой.

– Зачем мы сюда вернулись?

– Нам нужен проводник.

Катя опешила:

– Еще один? А ты?

– Я – это я. Нужен другой, – уклончиво отозвался юноша и, отвернувшись от Кати, зашагал быстрее, словно не желая отвечать на ее вопросы.

Катя тоже прибавила шаг. Но расспрашивать дальше не стала, хмуро поглядывала по сторонам.

– А здесь кто-то живет? Или это мертвое место?

– Почти никого. Все, кто здесь оказывается, уже завершили свой путь и стремятся перебраться на ту сторону.

– А что там?

Данияр помолчал.

– Новая жизнь. Путь к ней лежит через Огненную реку, а огонь, как тебе известно, несет перерождение.

Катя вытянула шею. Посмотрела в просветы между потемневшими от копоти сухими ветками на другой берег, но ничего не увидела: марево и серый дым плотно укрывали его, казалось, что сумрак поднимался до облаков и тянулся насколько хватало взгляда.

– Если что, я ничего не поняла. И если что, меня бесит, когда ты начинаешь говорить метафорами.

Девушка повела плечами. Данияр примирительно кивнул – он не был настроен ссориться. Остановившись, спросил прямо:

– Слышала выражение «сжечь все мосты»? – Катя кивнула в ответ. – Что оно означает?

– Отрезать все пути к отступлению, решительно двигаться только вперед.

– Верно. Чтобы начать что-то новое, нужно, чтобы прошлое отпустило. Калинов мост – как раз дорога забвения прошедшего.

– То есть там, по другую сторону...

Данияр хитро прищурился, повернулся к девушке и, скло-

нившись к ее виску, прошептал заговорщицки:

– Там точно такой же мир... – Он сделал неопределенный жест, пояснил: – Предки людей много рассказывали об этом месте, складывали легенды. Вот ты уже знаешь, кто я. Значит, должна помнить, что богатырь в сказках сражался со змеем или чудовищем каким, тот переносил его через мост и убивал. И дальше богатырь продолжал свой путь, обновленный и получивший какие-то плюшки в виде бессмертия, чтения по губам или молодильного яблочка... Довольно странно, верно, если не признать, что он перерождался в нового человека, в духа или хранителя рода – тут уж как повезет.

– Как у индусов колесо Сансары?

С тех пор как волхв Митр приступил к ее обучению, Катя много раз замечала родство языческих традиций с одной из старейших мировых религий – буддизмом. «Возможно, миф о Вавилонской башне⁵ не так уж далек от реальности, – думала она частенько после его уроков, – и когда-то люди дей-

⁵ Вавилонская башня – сооружение, которому посвящен важнейший эпизод, изложенный в книге Бытия. Согласно преданию, потомки Ноя, говорившие на едином языке, поселились в долине Сеннаар, где начали строительство города Вавилон и башни. „Высотой до небес, сделаем себе имя, – говорили они, – прежде нежели рассеемся по лицу всей земли“ (Быт. 11:4). Однако этот замысел был пресечен Богом, который „смешал языки“. Люди, переставшие понимать друг друга, прекратили строительство. Современные лингвистические исследования позволяют сделать заключение о существовании единого праязыка, условно названного ностратическим; из него вычленились индоевропейские (яфетические), хамито-семитские, алтайские, уральские, дравидийские, картвельские и другие языки.

ствительно верили в одно и то же и говорили на одном языке».

– Вроде того... – Данияр кивнул. – Но я тебе этого не говорил, учти. Это тайна первородных, и знать ее тебе не положено, если что. – Он какое-то время шел молча. Прислушивался, как под ногами хрустят сухие ветки. – Человек, оказавшись у Огненной реки, может освободиться от своего прошлого, отпустить его и, шагнув на мост, обрести второе рождение. А если не решится, то будет метаться по берегу Огненной реки, пока не развеется как дым.

– Развеется?

Данияр пожал плечами:

– Человек жив до тех пор, пока о нем помнят. И развеивается, когда гаснет последнее воспоминание о нем.

Они вышли к опушке. Миновали тот самый куст калины, у которого разговаривали тогда, четыре года назад.

Подошли к мосту.

Катя протянула руку к поручню, коснулась его, почувствовав жар под пальцами. Мареву колыхнулось, стена зловонного пара чуть рассеялась, и Катя на мгновение потеряла дар речи: словно в зеркале она увидела точно такой же лес, точно такой же мост и куст калины. Увидела Данияра, стоящего рядом, и... себя – с округлившимися от ужаса глазами, опаленными огненным ветром волосами. И рука точно так же лежит на поручне моста.

– Что это?

Она повернулась к Данияру.

Данияр взмахнул рукой, прикрыв Кате глаза, – из-за рукава полился сумрак, словно пола широкого дорожного плаща.

– Учитывая, что ты Доля и умирать прямо сейчас не собираешься, то – неслучившееся. Оно будет меняться в зависимости от того, какое решение ты примешь.

В то же мгновение от поверхности Огненной реки взметнулся яркий всполох, рассыпался снопом искр. Поводырь выпустил из рукава сокола. Тот стремительно вырвался ввысь, за самым ярким огоньком. Подлетев, проглотил его и, сделав круг над головами девушки и Поводыря, лениво опустился на его плечо. Данияр подставил открытую ладонь, настойчиво покачал ею перед клювом птицы.

– Добычей делятся, помнишь?

Сокол недовольно покосился на него, несколько раз взмахнул крыльями, рассекая вокруг себя морок – тот заискрился, заструился под крыльями, смешиваясь с одеянием Поводыря. Склонился к руке и, широко раскрыв клюв, фыркнул и выплюнул искру. Та загорелась на ладони Данияра.

– Привет, – поздоровался он с ней как с живой.

Кате стало любопытно. Придвинувшись ближе, она пристально разглядывала ее. Крохотный уголек, объятый огнем. Черный лисий носик, ушки домиком.

– Кто это?

– Это Агния, она же огневица... Эта крошка проведет нас

под самым носом у Смерти, а та ничего не заметит. – Он перевел взгляд на Катю: – И это та волшба, которой больше никто не владеет.

С этими словами он подул на уголек, остудил его – тот, забавно зевнув, потемнел и скукожился, зажмурил глазки, а острый нос прикрыл крошечными ладошками. Тогда Данияр сунул огневицу за пазуху:

– Совсем скоро она нам пригодится.

* * *

Катя в очередной раз сверилась с картой, нарисованной Данияром.

– Ты уверен?

Они стояли в ее комнате, у письменного стола. Рядом гудел, остывая, старенький принтер, а перед ними лежали несколько распечаток карт из интернета, потрепанный географический атлас России, который Катя покупала еще в 7 классе, и исчирканные карандашом листы. Данияр как раз завершал штриховку одного из них – выделил горную цепь.

– Есть повод сомневаться? – Поводырь хмыкнул.

– Ты же все-таки по памяти рисуешь. Мало ли... – Катя вздохнула и придвинула к себе только что заверченный рисунок, придирчиво прищурилась.

Данияр почесал над бровью, невозмутимо пробормотал:

– Ты так говоришь, как будто я прежде ошибался...

Катя сверилась с открытой картой из школьного атласа, снова вздохнула.

– Прежде мы передвигались по прошлому, и мне ничего не оставалось, как довериться твоим магическим способностям. Какими бы они ни были. А сейчас нам придется путешествовать здесь, в реальности. За вполне реальные деньги и по вполне реальным маршрутам... Одна ошибка, и выбираться придется ох как непросто. Я бы предпочла воспользоваться посохом, путевыми камнями или чем-то еще и сделать переход.

Молодой человек вскинул голову, треснул себя по лбу. С грохотом отодвинул стул и плюхнулся на него:

– Отличная идея! Давай. Будет шлейф волшбы, все заинтересованные стороны вмиг узнают, куда мы направились и где нашли след твоей сестры. И если она еще не в руках Флавия, она непременно там окажется задолго до того, как ты успеешь сказать «ах», – он посмотрел с вызовом. – Так что валяй. Ты ведь у нас главная, командуй.

Катя отвела взгляд, нахмурилась.

– С каких это пор я стала главной? Всё больше за тобой слепым котенком плетусь.

Она порывисто встала, отошла к окну. Резко щелкнула задвижкой и распахнула форточку.

Данияр, прищурившись, наблюдал за ней:

– Ты сама так решила, помнишь?

Девушка фыркнула:

– Ой, только не начинай!

– Просто выглядит так, будто это я виноват в том, что ты слепым котенком... плетешься... Хотя ты сама...

Катя резко обернулась, полоснула взглядом.

Данияр поперхнулся, замолчал. Этот спор длился долгих четыре года. И ничем не заканчивался: Поводырь настаивал на том, чтобы Катя практиковалась и работала с силой, приручала морок; она же всячески уклонялась и от одного, и от другого. «Я не вернусь к родителям», – повторяла каждый раз.

Вот и сейчас Данияр смолк, плотно сжал губы – скулы обострились, а взгляд стал холодным и колким, будто ледяные торосы в чертогах Мары.

Молодой человек спокойно выдержал ее взгляд, глубоко втянул носом воздух.

– Выдвигаемся завтра, – он решительно встал. Протянул руку ладонью вверх: – И еще кое-что... Посох отдай мне, пожалуйста.

Катя опешила, машинально схватилась за воротник – серебряная игла по-прежнему поблескивала на отвороте рубашки.

– Это зачем еще? Я поняла, что никакие заговоры и обряды не применяем, кроме тех, что разрешил отец.

Данияр покачал головой:

– Ты, может, и поняла, а Берендей – не факт... Отдавай, у меня надежнее будет.

Катя с сомнением уставилась на него, упрямо поджала губы. Ладонь Данияра по-прежнему лежала перед ней открытой. Неохотно вытащила иглу из ткани и протянула юноше. Проследила за тем, как Данияр, пряча иглу, поправил воротник, – на мгновение ей почудилось, что пальцы его провалились в морок, словно он оказался в своем призрачном плаще, от которого с голубоватым маревом отрывались мотыльки. Отведя взгляд, вытерла вспотевшие ладони о джинсы, огляделась по сторонам, откашлялась.

Данияр наблюдал за ней.

– Вот так-то лучше. Теперь только ты и я... Не волнуйся, я отдам тебе его. Как только будет безопасно.

Катя открыла рот – не потерял бы, – но, уловив иронию в глазах Поводыря, осеклась.

– Что делать будешь? – оставшись без иглы, она опять почувствовала собственную незащищенность и зависимость от Данияра. Будто с этой самой минуты вверила ему в руки собственную жизнь.

«Хотя чего уж там... Я давно в его руках», – отозвалось в висках.

И Катя покраснела. Дотронулась до горящих щек, словно проверяя, не полыхает ли на них пламя в самом деле, потушила взгляд.

– Нам нужны деньги на билеты... В этом мире просто так никуда не поедешь, – проговорила.

Поводырь посмотрел строго:

– Не переживай, это моя проблема. А ты продолжай плестись слепым котенком, пока не решишь, что готова к чему-то большему.

Не дожидаясь, пока она ответит, он развернулся и вышел в коридор, а уже в следующее мгновение за ним тихо захлопнулась входная дверь.

Катя прислушалась к тишине – в ней оглушительно, по нервам хлопнули створки лифта, на котором уехал Данияр. Проскрипел механизм, увлекая его за собой. Кажется, девушка слышала, как стукнула дверь подъезда, но это уже, вернее всего, не Поводырь – он уходил в свой мир, едва ступал в кабинку; Катя пару раз наблюдала, как он входил в лифт и не выходил из него, как не выходил и из подъезда. «Всегда в пути», – усмехался, когда она пыталась узнать у него, как так получается.

Сейчас она тоже была уверена, что он просто исчез из мира людей. Как обычно. Здесь он просто наблюдатель. От этой мысли стало горько, хотя Катя за все четыре года никогда не позволяла ему стать кем-то еще. Но иногда ловила на себе задумчивый взгляд юноши, удивлялась, если объятия становились чуть дольше обычного, и всячески отталкивала, сама не понимая зачем. Он остался в мире людей, чтобы быть с ней, чтобы она не осталась одна. Но память о другом, которого когда-то по детской наивности подпустила так близко в свое сердце, не отпускала, колола в груди, то и дело рассыпаясь под сердцем мучительно горячим пеплом.

Отбросив странные мысли, которые цеплялись за образ Данияра, Катя отправилась собираться. Им предстояли перелет, а потом пешее путешествие в горы. Удобная обувь, теплая одежда, куртка, запасная футболка, средства гигиены – Катя методично собирала вещи, укладывала в небольшой рюкзак.

А беспокойство нарастало.

Катя выпрямилась, прислушиваясь к царившему в груди смятению, достала из круглой плетеной шкатулки серебряное колечко. Бирюза, аквамарин, изумруд и лазурит – Ярушка, Истр, Олеб и Енисея. Колечко давно стало ей мало, нужно было бы отнести ювелиру, чтобы увеличить размер, но Катя боялась, что, вмешавшись, разрушит тонкую связь – единственное, что она берегла и боялась потерять в мире волхвов и мороков. Погладив гладкие камни и посмотрев, как они сияют, наливаясь силой, немного успокоилась: друзья живы, и с ними все в порядке.

Енисея и Олеб растят малышку Алтаю – смешную, ясноглазую – и ждут второго ребеночка. Ярушке уже за двадцать, большая мастерица по части волшбы, Стар хвалит ее, зовет в Аркаим, только Ярослава все больше с Могиней по дальним лесам и заимкам хаживает. Истр ушел на обучение к северным народам.

Обо всем этом Катя знала из редких разговоров с Ярославой – та нашептывала новости Алатырю, Катя слышала их, будто подруга ей на ушко шептала. Ответить не могла – не

знала как. Но весточкам была рада, хоть и скреблось иной раз тоскливое: не сплеховала ли она, перебравшись в Красноярск, может, нужно было к Могине, Стару, рука об руку с Ярушкой и Истром? Что бы умела она сейчас?

«А Данияр тебе об этом четыре года твердит», – услужливо напомнил внутренний голос.

«Я все равно не могла поступить иначе», – вздохнула она, имея в виду, конечно, ту ночь в коридоре времен, когда она освободила Недолу и позволила ей уйти, подарив свободу. С тех пор она всякий раз вздрагивала, когда слышала новости о больших авариях и катастрофах. Несколько раз ей казалось, что она видела в толпе зевак или участников событий девушку с прямыми темными волосами, смотревшую исподлобья на окружающих, а в руках сжимавшую длинный и узкий меч. У Кати всякий раз падало сердце. Но, сколько потом она бы ни вглядывалась в экран, кадр за кадром просматривая повторы роликов, больше той девушки не видела.

Это было похоже на сумасшествие.

– Просто в тебе говорит нечистая совесть, – со свойственной ему прямоотой и бестактностью отметил Данияр, когда она неосторожно поделилась с ним одним из таких видений.

Катя тогда вспыхнула.

И поняла, что он прав: чем больше она прокручивала в памяти ту ночь в коридоре времен, тем меньше оставалось уверенности, что она поступила правильно. «Не стоило Гореславу отпускать», – вот к какому выводу подталкивала ее

интуиция.

Сейчас внутренний голос об этом громко кричал.

Сжав в кулаке футболку, Катя медленно опустилась на кровать.

– Что же делать? – в которой раз спросила себя. – Что, если я опоздала и сестра уже оказалась в руках Флавия? Что, если все эти болезни и катастрофы в мире – только начало всех бед?

За окном скользил вечер. Все громче шумел город, погружаясь в праздное безделье накануне выходного дня.

Отложив футболку Катя открыла жестяную коробку из-под печенья, посчитала нехитрые сбережения. Сунула в карман куртки, которую планировала завтра надеть.

Достала из кармана сотовый, набрала Рауля Моисеевича. Тот откашлялся, прежде чем ответить:

– Внучка, я хорошо, – не дожидаясь вопроса, отозвался.

– Врач приходил?

– Да. Таблеток прописал... Других... Кхе-кхе... После завтра еще придет, сказал.

– Тебе в больницу надо, дядя Рауль. – Она с тоской подумала, что уезжает сейчас так не вовремя. Что может понадобиться ему. Словно угадав ее мысли, Рауль Моисеевич проговорил:

– Дочка приезжала, наготовила у меня тут. Так что не волнуйся.

Дочка. В самом деле, кто она, Катя Мирошкина, ему? Ка-

тя закусила губу, почувствовав укол ревности, но тут же прогнала с горечью.

– С отцом-то переговорила? – спросил дядя Рауль.

– Да... Мне уехать надо будет ненадолго.

Рауль Моисеевич закашлялся, на этот раз особенно долго.

Катя отчетливо поняла, что ему становится хуже, посмотрела через отражение в стекле на настенные часы – полседьмого вечера; если вырваться прямо сейчас, то около восьми она уже будет у него.

Сердце упало и, подскочив, забилось часто-часто: в отражавшейся в стекле узкой полосе света из коридора проступил яркий узор на стене, а следом за ним в просвете промелькнул темный силуэт. Девичий. Темные волосы рассыпались по плечам тяжелыми змеями, взгляд мутный, будто безумный. На искусанных в кровь губах застыла растерянная улыбка. Катя резко обернулась и посмотрела в коридор.

– Гореслава! – позвала в пустоту.

– Чего, Кать? – Рауль Моисеевич тяжело сглотнул из динамика, прохрипел.

Не выпуская телефон из рук, Катя выскочила в коридор – пусто. Вернулась, снова посмотрела в отражение – и увидела только свое растерянное лицо.

– Ничего, дядя Рауль...

– Голос у тебя какой-то...

Девушка отмахнулась:

– Да нормально все. Показалось.

– Показалось, – рассеянно повторил пожилой врач. – А далеко ли поедешь?

– На Кавказ, – она не могла отвести взгляд от темного стекла – ждала, что видение возникнет снова и ей удастся рассмотреть его.

– Хм, неблизко. Зачем собралась – не спрашиваю, все равно не скажешь. Или как?

– Не скажу, – Катя рассмеялась.

– Так и думал. Деньги-то у тебя есть?

– Есть. Я, как доберусь, сразу вам напишу или позвоню. Не волнуйтесь. Я буду... с Данияром.

Это должно было успокоить старика, к Поводырю он испытывал какое-то доверие.

Попрощавшись, она сбросила вызов и продолжала смотреть на улицу, поглаживая экран сотового. В стекле сейчас привычно отражались приоткрытая дверь в ванную и лившаяся из нее полоска желтого света.

– Это была Гореслава, – прошептала она уверенно.

Память дорисовала то, что она упустила в первый момент: яркий красно-желто-черный узор – это, скорее всего, ковер за спиной сестры. А еще ей запомнилась окрашенная голубой краской стена, не вся, а чуть выше середины. Как в школе или в больнице. В коридоре у Кати светло-серые обои, то есть это чье-то чужое жилье. И ковра у них с мамой никогда не было.

Но больше всего ее испугал затравленный взгляд Горесла-

вы. Что с ней? Где она?

Одно было ясно: увиденный фрагмент ковра и окрашенной стены говорили, что сестра на свободе. Не в руках Флавия.

«С чего ты так уверена, интересно?» – в очередной раз сама с собой завела беседу.

Ответить на этот раз не могла: уверенность, ничем не подкрепленная и не мотивированная, что это небогатое человеческое жилье, нарастала с каждой минутой. Возможно, это деревенский дом – ни у кого из знакомых она не помнила окрашенных краской стен.

Мигнул экран сотового, сообщив о поступлении денег на карту. Катя нахмурилась, открывая уведомление, – от Рауля Моисеевича. В сообщении значилось: «На всякий случай».

Глава 5

Ильяс

Катя веселилась, наблюдая за Данияром. Пока они взлетали из аэропорта Красноярска, Поводырь сидел с каменным лицом. Когда садились в Москве, скрежетал зубами. Когда взлетали через несколько часов ожидания в аэропорту – бледнел и тихо ругался. Сейчас, когда приятно-вежливый голос бортпроводника сообщил, что самолет готов совершить посадку в аэропорту Махачкалы, вцепился в подлокотники и устался в подголовник впереди стоявшего кресла. Катя прежде летала всего несколько раз, в детстве. Впечатления сохранились удручающие – у нее закладывало уши и весь полет тошнило. Но Данияру было определено хуже. Сосед через проход даже предложил ему что-то заговорщицким шепотом, кивнув на карман пиджака. Поводырь жалко улыбнулся, но отказался.

– Если я умру, то хочу помнить свои последние мгновения, чтобы успеть вспомнить всех, кто виноват в моей гибели, – пробормотал он.

Катя не преминула съязвить:

– Ты же порождение Хаоса, такие не умирают.

Поводырь мрачно покосился на нее:

– Я уже ни в чем не уверен на борту этой железной по-

судины... Если бы не опасения, что у нас на хвосте Темновит, лучше бы воспользовался путевыми камнями... Честное слово.

Катя засмеялась, оглянулась в просвет между их сиденьями – там пожилая дама будила внука, который во сне положил голову на плечо блондинки, сидевшей на соседнем кресле, и недовольно бурчал, когда бабушка пыталась его усадить прямо.

– А я говорила... – начала она, но, поймав осуждающий взгляд Данияра, перевела тему. – Кстати, что ты делал дома, перед выходом?

Она прищурилась.

Перед тем как ехать в аэропорт, Данияр заставил ее «пристать на дорожку».

– Что за суеверия? – она тогда возмутилась, но все-таки села.

Воспользовавшись моментом, прикинула, все ли уложила в сумку, не забыла ли документы, зарядку для сотового. Поводырь в это время достал из кармана уголек, который они забрали накануне у Огненной реки, снова подул на него, разжигая. Подбросил к потолку и прошептал одно-единственное слово:

– Тьма.

Уголек, не успев коснуться побелки, растаял в воздухе. Данияр отряхнул руки и встал. На удивленный возглас Кати отмахнулся:

– Теперь нас днем с огнем не сыскать.

Но от пояснения подробностей наотрез отказался.

Сейчас Катя решила снова узнать, что же он сделал. Данияр снова пожал плечами, уклончиво усмехнулся:

– Следы замел.

– А что за следы, что за тьма? Надеюсь, это не морок?

Поводырь посмотрел на нее с укором.

– Тьма – это много⁶. Просто много.

– А чего много-то?

Он отрезал, сделав ударение на первом слове:

– *Тебя* слишком много...

Катя продемонстрировала подошедшей стюардессе закреплённый ремень безопасности, а Данияру сказала сердито:

– Это ты специально говоришь загадками, чтобы позлить меня, да?.. Вообще не понимаю, что тебя не устраивает: билеты не ты бронировал, с туроператором не ты договаривался, отель не ты искал... Никаких хлопот, одни удовольствия...

– ... В самом деле. Чего это я... – он икнул и отвернулся к окну: самолет готовился заходить на посадку, гудели двигатели, а корпус то и дело потряхивало.

– Еще и изволишь ворчать...

Данияр засмеялся:

– Да, я неблагодарная скотина. Ты это хотела услышать? –

⁶ Тьма – число, обозначавшее в древнерусской системе счёта десять тысяч.

Самолет пошел на посадку, нырнул в воздушную яму, и Данияр, тяжело выдохнув, схватил Катю за руку, но, заметив, как у нее вытянулось лицо, ослабил хватку. А в следующее мгновение вообще отпустил руку и потянулся к бумажному пакету, закрепленному в кармане впереди стоящего кресла.

Катя смотрела за окно. Каспийское море – идеально гладкое, словно зеркало, молочно-зеленое, словно малахит, укрывалось пеной облаков на горизонте и упиралось в пологий берег. Самолет стремительно приближался к поверхности – Катя могла разглядеть рассыпанные горохом строения с красными черепичными крышами, ровные квадратички приусадебных участков. По узкой ленте автодороги тянулись автомобили, а вдалеке, будто морщинки на лбу аксакала, темнели предгорья Кавказа. Девушка пыталась заглянуть туда, за каменные уступы, окинуть взглядом таинственные, покрытые легендами места, но самолет снизился, и горизонт быстро скрылся за наземными постройками.

Катя вздохнула: сердце колотилось в груди от ожидания, тревоги и вдруг нахлынувших прошлых обид: она снова идет на поводу у отца, снова не имея всей информации, почти вслепую, снова будто игрушка в руках богов.

«Ты сама так решила, помнишь?» – в памяти всплыл вкрадчивый голос Поводыря. Девушка покосилась на него и неожиданно встретилась с ним взглядом.

Данияр положил свою руку поверх девичьих пальцев, прошептал:

– Ты все правильно делаешь. Может быть, впервые за эти четыре года, что я твой Поводырь...

Самолет мягко коснулся взлетно-посадочной полосы, чуть подпрыгнул, чтобы снова прижаться к земле – теперь уже плотно, до мурашек и утробного гула двигателя. Данияр пробормотал что-то злое и обреченно прикрыл глаза, на этот раз продолжая удерживать Катю за руку.

Открыл глаза только тогда, когда скорость стала ощутимо снижаться, а в салоне загорелся свет.

– Уважаемые пассажиры, наш авиалайнер совершил посадку в аэропорту Уйташ города Махачкала...

– Ну наконец-то, – юноша с облегчением выдохнул и заметно повеселел. – Обратно точно буду я составлять маршрут, – подмигнул он Кате.

Едва она включила сотовую связь, как телефон разразился серией поступивших сообщений и уведомлений о пропущенных звонках. Раулю Моисеевичу она позвонила первым.

– Да, добрались. Всё хорошо... Да, встречают. Как вы?.. – она с беспокойством закусила губу. – Может, все-таки в больницу?.. Хорошо-хорошо. Я не начинаю.

Она нажала отбой. Тут же приняла входящий от представителя туроператора:

– Ильяс, мы приземлились...

– Жду вас в зоне прилета, – голос неожиданно молодой, высокий, с сильным акцентом – не столько в произношении, сколько в интонации: молодой человек будто с горы скаты-

вался, начиная предложение с высокой ноты и «съезжая» интонационно к его завершению. – Вещей у вас много?

– Нет, только ручная кладь. Всё с собой.

Удивленное молчание.

– Хм, хорошо.

Пассажиры неторопливо покидали салон. Данияр встал, снял с полки их с Катей сумки. Мгновение они смотрели друг на друга, не решаясь двинуться с места. Катя тайком вдыхала аромат полыни, зеленого чая с тмином – от него казалось, что расширились легкие, а под ложечкой шевелилось что-то большое и горячее, она проваливалась в это ощущение всякий раз, когда вот так оказывалась рядом с Данияром. Данияр смотрел на нее и пытался запомнить ее такой – наивной, нарочито деловой, с ясными, наполненными робкой надеждой глазами. Что-то с ней станет, когда это путешествие завершится?..

– Молодые люди, вы проходите? – пожилая дама с ребенком тоже встала, намереваясь выйти из салона, на их переглядывание посмотрела неодобрительно. – Или идите уже к выходу, или освободите проход!

– Идем? – Данияр будто не обратил на нее внимания, доверительно дотронулся до Катиной руки, с удивлением отметив, что царица густо покраснела. – Бессмысленно оттягивать.

Катя встала, хотела забрать свою сумку, но юноша покачал головой и, пропустив девушку вперед, направился за ней

вдоль прохода.

Солнце ударило по глазам, ослепив на мгновение, – белой россыпью оно отражалось от водной глади Каспийского моря, от умытой дождем листвы, от собравшихся на ребристых черепичных крышах лужиц, будто распахивая огненные руки навстречу прилетевшим.

– О, как здесь пахнет! – Катя замерла, вдыхая странный аромат: причудливая смесь природы и цивилизации, камней и моря – запахи трав, авиационного керосина, соленой воды, хвои и – тонкий, пряный – горячего меда и пахлавы.

Воздух казался легким как перышко и мягким, но в то же время насыщенным, острым, дразнящим.

Катя поймала дыханием ветер, вобрала его в себя, наполнив легкие до отказа и почувствовав, что сама словно приблизилась к ярко-голубому небу. Посмотрела на горы, вспомнила увиденное в хрустальном Земном яблоке – судя по всему, именно там, за частоколом каменных пиков, на острие заговоренного меча, пряталась Гореслава, а вместе с ней – все несчастья мира.

Катя вцепилась в поручень трапа, ногти до боли впились в ладонь.

– Я не готова, – прошептала Катя подошедшему Данияру. Обернувшись к нему, заглянула в глаза: – Я не смогу...

На дне его глаз шевельнулся темный морок, рассыпался сотней призрачных мотыльков. Поводырь покачал головой:

– Это уже не имеет значения, ты сделала первый шаг.

Родители не показывались. Мама ждала доктора в приемном отделении, отец уехал за лекарствами. Милану оставили в небольшом вестибюле, на красном диване. Справа темнели окошки гардероба, слева – пост охраны. Она смотрела прямо, за стеклянные двери, за которыми скрылась мама, ждала, что будет хоть какое-то движение за ними, но всякий раз, когда мелькала чья-то прическа и девочка вскакивала, в вестибюль проходил кто-то другой. Понуро шел к гардеробу, протягивал номерок. И, не поднимая взгляд, забирал одежду и шел на крыльцо. Почти никто не одевался здесь, все старались как можно скорее покинуть здание.

Только она сидела, маялась в неизвестности.

Прошла к кулеру, набрала в хлипкий пластиковый стаканчик воды. Не потому что хотела пить, а потому что кулер стоял около двери в приемное отделение и был шанс увидеть чуть больше.

– Ты под дверь-то не стой, – строго предостерегла гардеробщица.

Милана послушно вернулась на свое место. «Что могло произойти с бабушкой?» – снова задалась вопросом.

Конечно, возраст, конечно, жаловалась то на давление, то на почки. Родители возили ее в санаторий, показывали врачам. Но вчера вечером бабушка ни на что не жаловалась, бы-

ла весела. Ничто не предвещало беды. Да еще такой.

Девочка еще раз с тоской посмотрела на дверь.

Стаканчик едва не выпал из рук – мама толкнула дверь, прошла из приемного отделения.

– Папа еще не приехал? – спросила, подходя ближе.

Милана качнула головой:

– Что врач говорит?

– Непонятно пока, Милана. Доктор говорит, что, вероятнее всего, обострилась мочекаменная болезнь, к ней добавилась аллергическая реакция... Бабушка какой-то препарат непроверенный начала пить, на травах... Соседка тетя Галя посоветовала, – мама грустно вздохнула, погладила дочь по голове.

– И что? Она здесь еще побудет? – Милана заглядывала в глаза, пыталась по ним прочесть то, что мама скрывала или не хотела ей говорить, думая, что она еще маленькая.

Мама кивнула, опустила глаза:

– Да, пока еще здесь... Пока не прояснится. Ты вот что, ты папу бери и домой с ним езжайте...

– Мам!

– Не спорь, Милана, – мама посмотрела строго, как на взрослую: – Папе сейчас особенно тяжело, он ничем помочь не может. И тут сидеть тоже смысла сейчас нет.

Милана всхлипнула:

– Мам, можно я с тобой?

– Ну посуди сама, какая в этом необходимость? Лучше ко-

му-то одному... Ты мне очень поможешь, если присмотришь за папой, – она прижала дочь к груди, поцеловала в макушку.

В вестибюль как раз зашел папа:

– Ну что? – Милана отметила, каким серым стало его лицо.

Мама покачала головой:

– Пока ничего не ясно, она под капельницей. Сейчас повезут на томографию. Анализы взяли... Результаты еще не пришли.

Папа рассеянно сунул жене в руки пакет с лекарствами, которые обычно принимала бабушка, но в суете их забыли дома.

– Я договорилась с врачом, до утра с ней побуду, заодно узнаю, что и как. А вы пока домой езжайте, – она похлопала его по плечу, подтолкнула к выходу. – Идите!

Милана взяла отца под руку. Оглянувшись на мать – та махнула ей рукой, – повела его к выходу.

Уже в машине, пристегнувшись, она вспомнила, что та девочка у ворот что-то рассыпала. А бабушка этого коснулась сначала юбкой, а потом пальцами, когда стала эту странную грязь отряхивать, – Милана видела, как та смывала что-то черное с рук.

* * *

Представитель туроператора действительно ожидал их в

аэропорту: Катя и Данияр увидели его, едва вышли из зоны прилета. Высокий худощавый юноша в темных джинсах и застегнутой на все пуговицы клетчатой рубашке держал в руках распечатанный на черно-белом принтере лист с фамилией «Мирошкина».

– Это за нами, – Катя направилась к нему. – Добрый день. Ильяс?

Она с удивлением рассматривала парня: светлые ярко-голубые глаза смотрелись диковинно на смуглом, по-девичьи миловидном и безусом лице. Не брюнет, скорее шатен, гладко выбрит.

– Екатерина Мирошкина? Доброго дня. Как долетели? – парень довольно равнодушно окинул ее взглядом, протянул руку Данияру. – Маршрут без изменения? Тогда предлагаю небольшую обзорную экскурсию по Махачкале, забросим вещи в гостевой дом, там пообедаете, после предлагаю отвезти вас на смотровую площадку и в торговый центр...

Он говорил небыстро, но без пауз, будто проговаривая заранее заготовленную фразу, и вставить свое слово в нее никак не удавалось, Катя только открывала и снова закрывала рот.

Ребята переглянулись.

– На самом деле мы бы хотели выдвинуться прямо сейчас, – Данияр поправил сумку на плече.

Хоть Ильяс и был довольно высок, он едва доставал Данияру до плеча, оттого тот смотрел будто немного свысока.

Катя заметила, как Поводырь щурится, недоверчиво приглядываясь к новому знакомому.

– Ты чего? – она дернула его за рукав. Не обращая внимания, Данияр продолжал пристально изучать юношу.

Ильяс скользнул взглядом по ее руке, замершей на локте Данияра, пожал плечами:

– Как скажете, можно и так. Но я не рекомендую: чтобы добраться до места ночевки сегодня вечером, придется сократить маршрут, не останавливаться на водопадах... Сейчас еще рано темнеет, вы пропустите половину красот Кавказа. И надо предупредить всех по маршруту, что мы будем раньше.

Данияр кивнул:

– Предупредите, пожалуйста.

Ильяс снова пожал плечами – на этот раз более раздраженно, – но спорить больше не стал, жестом позвал следовать за собой, к машине.

– Ты чего? – Катя снова потянула Поводыря за рукав. – Мы же планировали завтра с утра выдвигаться...

– Не знаю, – прошептал он, рассеянно оглянувшись по сторонам. – Я чувствую, что надо сделать так... Или по крайней мере надолго не останавливаться на одном месте. Что-то меняется... Хочу быстрее найти этот меч.

Катя недоверчиво отстранилась от него, спрятала руки в карманах.

– Что меняется? Ты опять фокусничаешь!

Поводырь сверлил взглядом затылок шедшего впереди Ильяса – молодой человек говорил по телефону.

– Странный он. Ты заметила?

– Нет. Что не так? Парень как парень. – Она спохватилась: – Ты что, ревнуешь?!

Данияр посмотрел на нее, изогнул бровь и автоматически почесал ее:

– Глупости не говори... Просто он какой-то странный.

Катя присмотрелась, пожала плечами:

– Не вижу ничего особенного. – Запрокинув голову, снова посмотрела в небо: ярко-голубое, высокое и прозрачное – ни облачка.

– А я вижу, – тихо протянул Поводырь. – Что-то в нем есть неестественное, фальшивое, что ли...

– С чего ты взял?! – опешила Катя. Она даже растерялась: Данияр говорил непонятные вещи, которые не укладывались у нее в голове. Думать об этом совсем не хотелось. Пожав плечами, она пошла через парковку, вдыхая пропитанный весной воздух.

Они подошли к машине, Ильяс отпер ее ключом, распахнул багажник и сделал приглашающий жест. Сам же отошел в сторону, завершая очередной телефонный разговор. С кем и что он говорил, Катя не понимала – он общался не по-русски, но, очевидно, договаривался об их ночлеге, машине и экскурсоводе.

Катя села на заднее сиденье за водителем. Откинувшись

на спинку, положила голову на подголовник и прикрыла глаза – не от усталости, а пытаюсь переварить то, что сказал минуту назад Данияр.

Поводырь бросил их сумки в багажник и уселся на заднее сиденье рядом с Катей, исподтишка наблюдая за юношей, все еще говорившим снаружи.

– Точно тебе говорю. Посмотри на манеру говорить... Черты лица... Запястья опять же тонкие. И кожа тонкая, нежная на щеках... Она бритвы не знает. У мусульман в священных текстах записано: отпускайте бороду, чтобы отличаться от огнепоклонников, от язычников то есть.

Катю слегка укололо под сердцем то, как он обсуждал белизну кожи нового знакомого.

– М-м, да ты знаток... – Она поймала на себе его удивленный взгляд, опустила глаза: – Ну, может, он моложе, чем выглядит. Или местные обычаи знает хуже, чем ты... Или просто не собирается выполнять правила. Все-таки сейчас начало двадцать первого века, а не средневековье какое-то. Зачем ему притворяться?

Данияр примирительно вздохнул.

– Вот и думаю: зачем?.. Хотя, может, ты и права. Может, я просто параноик и вижу опасность там, где ее нет... А может, нас уже обнаружили и это посланник Темновита. Оттого и выглядит странно – не из нашего мира, на мелочах прокальвается.

Катя вздрогнула, придвинулась к нему, прошептала:

– Ты что-то чувствуешь?

Поводырь с усилием кивнул:

– Будто слышу, как перемещаются жернова времени. И звенит натянутая для выстрела тетива...

Катя, затаив дыхание, прошептала:

– И что это означает?

Данияр не успел ответить – водительская дверь распахнулась, Ильяс шумно забрался в салон, сунул ключи в замок зажигания и резко повернул их, машина задрожала, двигатель громко загудел.

– Я договорился, нас будут ждать здесь, в Каспийске. Отдохнете, пообедаете. Про ночлег договорился, заедем к моим друзьям. Все хорошо будет... Махачкалу, Дербент вам покажу тогда, – юноша мечтательно улыбнулся, светло-голубые глаза стали прозрачными, словно аквамарин. – Дербент – один из самых древних городов России⁷. У нас говорят: Дербента не видал – на Кавказе не бывал!

Ильяс многозначительно цокнул языком. Катя, с сомнением покосившись на Данияра, уточнила:

– А мы не слишком рискуем, отправляясь на ночь в горы?

⁷ Дербент – город на юге России, в Дагестане, административный центр Дербентского района, исторически – главные врата из Восточной Европы в Переднюю Азию (отсюда и название – с персидского оно переводится как «закрытые ворота»). Одно из первых упоминаний относится к V веку до н. э. – Дербентские врата, через которые скифы гнали разгромленных киммерийцев (Геродот). Цитадель Нарым-Кала являлась главным форпостом Персидской империи, закрывая Каспийские врата и защищая пределы Персии; входит в объекты всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ильяс усмехнулся:

– Риск, он как горы – везде; кто думает, что не рискует, на самом деле рискует всем.

* * *

Где-то там, в другой реальности, черный от гнева человек разглядывал разложенную перед ним карту. Глубокие рвы и обрывы, заполненные тревожным туманом, пересекали равнины. Их укрытые тощей бледно-желтой травой полотна морщились и коржились под ними, будто приговоренный под ударами плети. Вереница дорог серебрилась от края до края, нанизывая на свою кривую нить, словно бусины, города и поселки. Золотистые огни пролетающих по дорогам машин – горячая кровь этого мира – струились от города к городу.

Мир, над которым он пока не властен. Мир, охраняемый богами.

Он пригляделся: сквозь карту, будто сквозь вдовью вуаль, проступал мир людей – нагромождение мегаполисов, дымящие трубы заводов.

Мир, который уже его, просто не знает об этом.

На окраине полотна пульсировала точка. Он пристально следил за ней уже не первый день – она то металась над горами, то исчезала. Но снова появлялась с завидным постоянством в одном и том же месте. За эти дни он неплохо успел

изучить ее пристрастия: она определенно тяготилась своим одиночеством, то и дело вырываясь к человеческому жилью. И тогда Тьма прожигала полотно этого мира насквозь.

– Дурочка...

Черный от гнева человек снисходительно улыбнулся. Он мог бы помочь ей, но зачем – она стала его оружием, проводником его воли, его силы... Он уже чувствовал ее, знал, где она сегодня завершит свой день, поэтому следил не столько за ней, сколько за тем, что творилось вокруг нее. А вокруг нее клубились страх и ненависть, дождем лились, пропитывая собой камни. И ни одной светлой искры.

Черный человек присмотрелся внимательнее, проверяя свои наблюдения. Но над горами тлела только беда.

Выходит, он опередил его, своего брата – Велес еще не знает, где она.

Выходит, он успеет нанести удар первым.

Тьма соскользнула с плеча черного человека, его черты прояснились. Глубоко вздохнув, он наклонился и опустил лицо в черное облако, как в пузырь. Тьма расширилась, в одно мгновение окутав фигуру мужчины и поглотив Черного бога.

* * *

Над обрывом замерла одинокая фигура. Пожилая женщина, совсем старуха – сторбившаяся и черная от прожитых

лет, – внимательно вглядывалась вниз, в дно ущелья. Выше, за ее спиной, высились руины древней крепости. Остовы каменных домов карабкались на плечах друг друга вверх, к вершине, которая острой свечкой возвышалась над горами.

«Что там?» – старая женщина прищурилась, вглядываясь в будто оживший полумрак ущелья. Тьма копилась там уже много дней, то и дело выплескиваясь из ущелья подобно штормовому морю. Из глубины слышались голоса, разобрать которые старая женщина не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.